

Развитіе основныѣхъ идей современной тактики.

ГЛАВА I-я.

ДО-ВОЕННЫЯ ДОКТРИНЫ.

Новое оружіе — новая тактика.

Надѣмся, что эта самоочевидная истина не будетъ больше у насъ оспариваться.

А, между тѣмъ, въ періодъ до Русско-Японской войны, послѣ побѣды надъ турками въ 1877-78 гг., въ тактическомъ міровозрѣніи русской арміи царствовало упорное нежеланіе считаться съ эволюціей, происходившей въ тактикѣ. Тѣ рѣдкіе голоса, которые смѣли утверждать, что формула Суворова „пуля дура — штыкъ молодецъ“ устарѣла, обвинялись въ проповѣди трусости. Слова „огневая тактика“ считались какою-то ересью.

Съ подобными тактическими взглядами мы вступили въ войну съ Японіей. Наша доктрина была выражена въ Полевомъ Уставѣ, представлявшемъ собою яркое выраженіе „ударной тактики“ эпохи начала XIX-го столѣтія. Японская война оказалась для насъ особенно несчастной въ тактическомъ отношеніи. За исключеніемъ рѣдкихъ единичныхъ случаевъ, она вся состоитъ изъ нашихъ неудачъ. Обладая и лучшимъ ружьемъ, и лучшей пушкой, мы не сумѣли использовать того большого тактическаго преимущества, которое было у насъ въ рукахъ. У насъ былъ противникъ, часто слабѣйшій числомъ, но проникнутый вѣрой въ ту истину, въ ту простую мысль, съ которой мы начали настоящую главу. Внимательные ученики нѣмцевъ — японцы послушно примѣняли въ своихъ дѣйствіяхъ то, чему учила огневая тактика, разработанная ихъ учителями. Доблесть японцевъ отъ этого не уменьшилась, но они сэкономили свою кровь, заставляя въ то же время насъ лить потоки крови въ расплату за рутину мысли и непониманіе эволюціоннаго характера тактики.

Урокъ былъ жестокой, и русскія войска на практикѣ приобрѣли навыки „огневой тактики“. Этотъ урокъ заставилъ насъ приступить къ выработкѣ новой военной доктрины. Подъ руководствомъ просвѣщеннаго генерала Палицына и началась работа въ этомъ направленіи. Но уже въ 1908 г. во главѣ Военнаго Министерства и Генеральнаго Штаба становится генераль Сухомлиновъ, и рутина мысли вновь одерживаетъ побѣду. Въ видѣ синтеза опыта, купленнаго дорогою цѣною крови въ Японскую войну, Сухомлиновъ даритъ русской арміи Полевой Уставъ изд. 1912 г. Этотъ уставъ представляетъ

собой мѣшанину непереваренныхъ мыслей. Желая угодить начальству, составители его не смѣли порвать съ устарѣвшими идеями предыдущаго Полевого Устава, за примѣненіе которыхъ насъ безпрерывно били японцы. Въмѣстѣ съ этимъ составители Устава 1912 г. не смѣли уклониться отъ узаконенія ряда новыхъ навыковъ, прочно вошедшихъ въ обиходъ получившей обильное боевое крещеніе арміи, навыковъ, въ корнѣ противорѣчащихъ идеямъ стараго Полевого Устава. Наконецъ, богатая иностранная военная литература, разработавшая нашъ же боевой опытъ, слишкомъ уже безспорно дѣлала нѣкоторые изъ своихъ выводовъ, чтобы можно было съ ними не считаться; но эти выводы тоже въ корнѣ противорѣчили идеямъ ударной тактики. Въ результатъ изъ Полевого Устава 1912 г. вышелъ какой-то винегретъ, и про него можно лишь повторить слова Гоголя: „ни въ мать, ни въ отца, а въ прохожаго молодца“.

Вслѣдствіе этого, изучая вопросъ о тактическомъ міровозрѣніи русской арміи передъ войной, вспыхнувшей въ 1914 г., нельзя найти той однородности и логической стройности, которая существовали въ германской и французской арміяхъ. Сами войска, въ которыхъ еще помнился опытъ Японской войны, были приобщены къ началамъ „огневой тактики“; но наши руководящіе круги не сумѣли осознать этотъ опытъ и расширить его выводы.

Вотъ почему для того, чтобы охарактеризовать тѣ тактическія воззрѣнія, которыя господствовали въ Европѣ передъ войной, нужно сосредоточивать свое вниманіе на французской и германской арміяхъ.

Въ основѣ французской доктрины была положена идея рѣшающей роли въ бою ружейнаго огня. Данныя о боевыхъ потеряхъ въ Русско-Японскую войну рѣзко подтверждали этотъ выводъ, сдѣланный уже на основаніи опыта войны Франко-Прусской и Англо-Бурской.

Таблица № 1.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ БОЕВЫХЪ ПОТЕРЬ.

ВОЙНЫ	ПОТЕРИ ВЪ %		
	Отъ ружейнаго огня	Отъ артиллерійскаго огня	Отъ остальныхъ причинъ
Франко-Прусская . . .	80	17	3
Англо-Бурская	83	15	2
Русско-Японская . . .	85,5	10,5	4

Исходя изъ этой основной идеи, французы и представляли себѣ, что будущіе бои по преимуществу будутъ заключаться въ борьбѣ пѣхоты противниковъ.

Ближайшимъ выводомъ отсюда вытекало заключеніе, что старая формула Наполеона „les gros bataillons ont toujours raisons“ остается въ силѣ, и численность бойцовъ имѣетъ большее значеніе для боевой силы, чѣмъ численность машинъ (орудій, пулеметовъ). Артиллерія является лишь вспомогательнымъ родомъ войскъ, имѣющимъ только одну задачу — сопровождать огнемъ безостановочное наступленіе пѣхоты. Въ этомъ отношеніи очень характерна нижеприводимая выдержка изъ рапорта, представленнаго Военному Министру комиссіей, составившей Уставъ 1910 г.: „Артиллерія больше не подготавливаетъ атакъ, она ихъ сопровождаетъ“.

Вѣра въ рѣшающую роль ружья, французская доктрина была построена на предположеніи, что пѣхота обороняющагося подъ угрозой атаки пѣхоты наступающаго вынуждена открываться. Полевой артиллеріи придется стрѣлять почти исключительно по открытымъ цѣлямъ. Главное предъявляемое къ ней требованіе — это скорострѣльность для пораженія тѣхъ быстро появляющихся цѣлей, которыя представляютъ собой противодѣйствующая пѣхота. Дальнему артиллерійскому огню французскіе руководящіе круги не придаютъ значенія. Это вытекаетъ изъ того, что задачи артиллеріи въ полевомъ бою ограничены почти исключительно дѣйствіемъ противъ неприятельской пѣхоты, что требуетъ для своего исполненія дистанціи 3—4 версты. Ожидаемое преобладаніе въ бою открытыхъ цѣлей позволяетъ не требовать отъ артиллеріи большой разрушительной силы. Отсюда игнорированіе необходимости полевой тяжелой артиллеріи и вѣра въ „универсальность“ 75 м/м легкой пушки для полевой войны. Огневое могущество 4-хъ орудійной 75 м/м батареи на фронтѣ 200 метровъ считается абсолютно достаточнымъ для всѣхъ задачъ полевого боя; поэтому накладываніе огня на этотъ фронтъ нѣсколькихъ батарей совершенно излишне. Отсюда вытекаетъ и предѣльная густота артиллерійскаго развертыванія, а именно:

На версту (1 километръ)... 5 легк. батарей (20 пушекъ).

Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что хотя французская доктрина въ 1914 году и была однимъ изъ выраженій „огневой тактики“, но по существу она должна быть охарактеризована словами: „доктриной господства ружейнаго огня“. Мы употребляемъ здѣсь слово „ружейнаго“, а не пѣхотнаго, ибо французскіе военные руководящіе круги хотя и придавали главенствующее значеніе пѣхотному бою, но не сумѣли предвидѣть того значенія, которое получить въ ближайшей войнѣ пулеметный огонь. Этотъ недостатокъ предвидѣнія ярко обнаруживается изъ того, что основной посылкой, на которой зиждилась вся ихъ доктрина, являлось предположеніе, что пѣхота подъ угрозой атаки должна сразу же открыться; совершенно упускалось изъ виду, что пѣхотная оборона могла основываться не только на фронтальномъ ружейномъ огнѣ, но и на фланговомъ огнѣ укрытыхъ пулеметовъ.

Основная ошибка генерала Жоффра и его ближайшихъ сотрудниковъ, которые окончательно оформили французскую военную доктрину, и заключается въ томъ, что, опираясь на опытъ послѣднихъ

войнъ, они не сумѣли предвидѣть дальнѣйшей эволюціи огневой тактики.

Создавая свою доктрину, нѣмцы находились въ болѣе благоприятномъ положеніи, нежели французы. Война 1904—1905 гг. была выиграна ихъ учениками-японцами, слѣпо слѣдовавшими указаніямъ германской военной науки. Германскій Большой Генеральный Штабъ получилъ въ этомъ опытѣ увѣренность въ правильности избраннаго имъ научнаго пути. Оставалось лишь идти дальше по намѣченному направленію.

Въ основѣ той доктрины, которую примѣняли японцы, лежала идея господствующаго значенія ружейнаго огня; но германскій генеральный штабъ увидѣлъ въ этомъ опытѣ — указанія, что развитіе огневой тактики на этомъ не остановится. Онъ предугадываетъ, что въ слѣдующую войну изъ „преимущественно ружейной“ она станетъ „преимущественно пушечной“. Онъ предвидитъ также увеличившееся примѣненіе фортификаціи въ полевомъ бою, а слѣдовательно уменьшеніе случаевъ появленія открытыхъ цѣлей. Поэтому нѣмцы не увлекаются настильностью троекторіи полевой пушки. Они оставляютъ на вооруженіи свою 77 м/м полевую пушку даже послѣ того, какъ французы вводятъ у себя 75 м/м, превосходящую по скорострѣльности. Преимущество своей 77м/м пушки нѣмцы видятъ въ ея меньшей, по сравненію съ французской, настильности, что дѣлаетъ ее болѣе способной поражать перекидной стрѣльбою укрывающіяся на противосклонахъ части противника. На основаніи ожидаемаго разнообразія укрытыхъ цѣлей нѣмцы отказываются отъ идеи „универсальнаго“ орудія для полевого боя. Они вводятъ въ органическій составъ дивизій 3-хъ батарейный дивизионъ легкихъ гаубицъ (105 м/м.). Артиллерійскій уставъ 1912 г. такъ объясняетъ это нововведеніе: „Легкая гаубица исполняетъ тѣ же задачи, какъ легкая пушка. Но противъ артиллеріи на укрытой позиціи, противъ цѣлей, спрятанныхъ за закрытіями, противъ селеній, противъ войскъ, укрытыхъ въ большомъ лѣсу, она имѣетъ гораздо большую дѣйствительность, нежели полевая пушка“.

Германія не довольствуется и этимъ. Она создаетъ многочисленную полевую тяжелую артиллерію. Эта артиллерія обладаетъ большой разрушительностью и большой дальностью. Вся она состоитъ изъ новыхъ скорострѣльныхъ образцовъ. Созданіе этой тяжелой артиллеріи обуславливается не столько наличіемъ во Франціи прикрывающаго пояса долговременныхъ укрѣпленій, сколько предвидѣніемъ условій будущаго полевого боя. Германскій Генеральный Штабъ предусматриваетъ, что пѣхота не будетъ въ состояніи продвигаться впередъ, если огонь непріятельской артиллеріи не погашенъ или, по крайней мѣрѣ, сильно не стѣсненъ. Въ противоположность французамъ, онъ считаетъ, что бой долженъ начаться съ систематической борьбы съ артиллеріей противника. Это возвращеніе къ старой идеѣ „артиллерійской дуэли“. На артиллерійскихъ полигонахъ производятся обширныя опыты стрѣльбы, которыя показываютъ, что при стрѣльбѣ 155 м/м. (6 дм.) гаубицей по пло-

щадя, имѣющей размѣры въ ширину двойной фронтъ батареи, а въ глубину 200 сажень, достаточно 80—100 снарядовъ, чтобы вывести изъ строя отъ 30 до 50% личного состава и 60—65% матеріальной части. Выводы изъ этихъ опытовъ были сдѣланы слѣдующіе: „это показываетъ, что въ борьбѣ противъ артиллеріи противника результатъ можетъ быть достигнутъ быстро и съ наименьшимъ расходомъ снарядовъ. Отсюда вытекаетъ заключеніе о необходимости возможно ранѣе вводить въ бой тяжелую артиллерію“... Въ результатъ примѣненіе тяжелой артиллеріи въ полевомъ бою принимается за правило и указывается производить на слѣдующихъ основаніяхъ.

Дальнобойность тяжелой артиллеріи должна быть использована съ самой завязки боя противъ непріятельскихъ походныхъ колоннъ, скопленій пѣхотныхъ резервовъ и обнаруженныхъ батарей. Для того, чтобы быть въ состояніи это выполнить, батареи тяжелой артиллеріи должны придаваться дивизіямъ первой линіи и слѣдовать сейчасъ же за ними или въ хвостъ артиллеріи этихъ дивизій. Располагаясь внѣ достиженія русской и французской полевыхъ пушекъ, тяжелая артиллерія должна прикрыть развертываніе своей легкой артиллеріи. Не дожидаясь начала наступленія своей пѣхоты, она должна приступить къ систематическому выбиванію артиллеріи противника. Послѣ этого, совмѣстно со своей легкой артиллеріей, она должна начать артиллерійскую подготовку, разрушая окопы противника, его опорные пункты и, если есть, препятствія. Эта артиллерійская подготовка, сдѣланная всей артиллеріей, произведетъ не только матеріальный эффектъ, но подорветъ также моральную устойчивость противника и сдѣлаетъ его „созрѣвшимъ для штурма“ (Sturmreif). Послѣ этого и должна слѣдовать пѣхотная атака, во время которой легкая артиллерія, прикрываемая тяжелой, держащей подъ своимъ огнемъ батареи противника, сосредотачиваетъ всѣ свои усилія для огневого сопровожденія пѣхотной атаки,

Сравнивая только что приведенныя указанія съ французской военной доктриной, нельзя не убѣдиться въ томъ, на сколько нѣмецкая ушла далеко впередъ по пути огневой тактики.

Тѣмъ не менѣе, нужно констатировать фактъ, что германскій Генеральный Штабъ не смогъ предвидѣть всей грандіозности предстоящихъ измѣненій въ тактикѣ. Онъ не учелъ того обстоятельства, что самъ артиллерійскій огонь въ будущихъ бояхъ приметъ „массовый характеръ“, и германская армія не избѣгла кризиса въ снабженіи снарядами въ началѣ же войны. Германская военная доктрина не смогла также всецѣло отказаться и отъ тѣхъ идей, которыя можно назвать „тактикой ружейнаго огня“. Въ этомъ легко убѣдиться, просматривая нѣмецкіе учебники тактики того времени (Балкъ), въ которыхъ мѣриломъ боевой силы являлся расчетъ числа ружей на единицу протяженія фронта, причемъ основнымъ элементомъ этой силы считалась наиболѣе густая цѣпь стрѣлковъ (1 стрѣлокъ на 1 метръ фронта). Отсюда въ тактикѣ пѣхоты происходило увлеченіе густыми цѣлями, а также полная недооцѣнка машиннаго огня,

Таблица № 2.

ЧИСЛО БАТАРЕЙ, ПРИДАННЫХЪ въ 1914 году РАЗЛИЧНЫМЪ
ВОЙСКОВЫМЪ СОЕДИНЕНІЯМЪ.

	Легкія пушки кал. 75-77 мм.	Легкія гауби- цы калибра 105—120 мм.	Тяжелыя гау- бицы калибра 150—155 мм.	Тяжелыя гау- бицы калибра 200 мм.	Дальнобойныя пушки		Общее число батарей
					Калибра 105-107 м.	Калиб- ра 130мм.	
Дивизионная ар- тиллерія (поле- выхъ пѣх. ди- визій):							
Россія	6						6
Франція	6						6
Германія	9	3					12
Корпусная ар- тиллерія:							
Россія		2					2
Франція	12						12
Германія			4				4
Армейская ар- тиллерія (въ ср. на армію 4-хъ корп. состава):							
Россія			2		1		3
Франція		нѣсколько батарей					нѣск. б.
Германія			отъ 12 до 16 бат.				12-16 б.

т. е. пулемета. Нѣмецкій пѣхотный полкъ выступилъ такъ же, какъ и французскій, всего съ 6-ю пулеметами.

Возвращаясь къ тѣмъ тактическимъ понятіямъ, которыми руководствовалась русская армія передъ 1914 г., приходится повторить, что одной доктрины, въ смыслѣ логично-цѣльной системы пріемовъ, хотя бы даже съ ошибками, которая имѣли мѣсто во французской и нѣмецкой арміяхъ, у насъ не было. Сами войска и ихъ ближай-

шіе строевые начальники сохраняли кровью привитые навыки, но высшіе руководящіе круги колебались между нѣмецкими и французскими ученіями. Заимствованія дѣлали частичныя, въ зависимости „отъ вкуса“ того или другого лица. И чѣмъ выше подниматься по ступени іерархіи, тѣмъ рѣже можно было встрѣтить соотвѣтственную требованіямъ времени подготовку начальниковъ. Въ окруженіи же генерала Сухомлинова сильно отдавало старымъ душкомъ „ударной тактики“. Въ результатъ, хотя съ одной стороны мы и внесли въ „большую военную программу“ созданіе сильной полевой тяжелой артиллеріи на подобіе германской, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы совершенно не подготовлялись къ умѣнію тактического использованія этого могучаго новаго средства борьбы въ полевомъ бою.

Различіе въ тактическихъ міровоззрѣніяхъ нашло свое яркое отраженіе въ артиллерійскомъ вооруженіи, съ которымъ вступили въ первую операцію войны 1914 года вооруженныя силы Россіи, Франціи и Германіи (см. таблицу № 2).

Переходя теперь къ общему заключенію, нельзя не обратить вниманія, насколько трудна работа по подготовкѣ вооруженной силы къ „будущей войнѣ“. Только путемъ тщательной и строго научной работы эта подготовка можетъ идти по правильному пути, ибо предвидѣть можетъ лишь наука. Но предсказаніе есть высшая стадія науки. Военная же наука представляетъ собою наиболѣе отсталый отдѣлъ человѣческаго знанія. Поэтому закрывать глаза на всѣ предстоящія трудности въ подготовкѣ мирнаго времени и на вѣроятность многихъ ошибокъ было бы величайшимъ заблужденіемъ.

ГЛАВА 2-я.

КАМПАНИЯ 1914 ГОДА.

Большая Европейская война началась периодом маневренной войны. Къ этому и готовились всѣ великія державы. Съ первыхъ же столкновений на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій — русскомъ и французскомъ — выяснилось, что успѣшное наступление пѣхоты безъ достиженія перевѣса въ артиллерійскомъ огнѣ невозможно.

Германія, которая, какъ мы видѣли выше, это предвидѣла, приобрѣла на поляхъ сражений громадное преимущество. Вотъ какъ характеризуетъ условія встрѣчи въ первомъ сраженіи („Bataille des Frontières“) французовъ и нѣмцевъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ французскихъ артиллеристовъ генераль Херръ: „Во второй половинѣ августа всѣ французскія арміи переходятъ въ наступленіе и завязываютъ „пограничное сраженіе“*). Вездѣ въ Лотарингіи, въ Аргонахъ, въ Бельгіи картина одна и та-же: наша легкая артиллерія, часто застигнутая огнемъ германской тяжелой артиллеріи въ длинныхъ переходныхъ колоннахъ торопливо разворачивается на мѣстности пересѣченной и лѣсистой, на которой трудно маневрировать и трудно организовать связность дѣйствій. Ея дальнобойность недостаточна для того, чтобы достать тяжелую артиллерію противника, и послѣдняя безнаказанно забрасываетъ ее снарядами, дезорганизуетъ ее. Бой протекаетъ такъ скоро, что наша скромная по своимъ силамъ тяжелая артиллерія, слѣдующая въ хвостъ колоннъ, не успѣваетъ вступить въ дѣло во-время, и наши полевые пушки не могутъ поддержать нашу пѣхоту. Послѣдняя же, большею частью, и не ищетъ этой поддержки. Полная порыва, воспитанная кадровымъ составомъ въ духъ безостановочнаго наступленія, она бросается въ атаку, не ожидая артиллерійской подготовки, исполняя въ этомъ отношеніи указанія Уставовъ. Она встрѣчается съ пѣхотой противника, почти не понесшей потерь въ личномъ составѣ и въ матеріальной части, пѣхотой, широко пользующейся окопами, часто прикрытыми проволочными загражденіями. Огневые средства непріателя — его ружья, пулеметы, легкія и тяжелыя орудія — сохранили полностью свободу дѣйствій и все могущество разрушенія. Они стрѣляютъ, какъ на маневренномъ плацу. Въ буквальномъ смыслѣ слова они косятъ нашу пѣхоту, которая несетъ страшныя потери,

* „Bataille de Frontières“

Таблица № 3.

ЗАВИСИМОСТЬ ТАКТИЧЕСКАГО УСПѢХА ОТЪ КОЛИЧЕСТВА ПѢХОТЫ И АРТИЛЛЕРИИ ВЪ ПЕРВЫХЪ БОЯХЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ.

	ПРУССКІЕ		НѢМЦЫ		ТАКТИЧЕСКІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
	Число баталіоновъ.	Число баталіоновъ.	Число баталіоновъ.	Число баталіоновъ.	
Бой у Сталупенена 4/17 августа:	40	20	17	19	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
Сраженіе у Гумбинена 7/20 августа:					
1. На фронтъ рус. 28 п. д.	12	6	25	28	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.
2. На фронтъ рус. 29 п. д.	12	8	11	7	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
3. На фр. рус. III а. к. (усил. 40 п. д.)	42	22	25	28—30	Нѣмецкая атака отбита съ большимъ для нихъ урономъ.
4. На участкѣ къ югу отъ лѣса Роминтенъ	22	9	26	16	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
Бой у Бишофсбурга 13/26 августа:	14	8	40	40	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.

Сраженіе у Гогенштейнъ
Сольдау 13/26—15/28 авг.:

А. 13/26 августа.

1. Въ районѣ Гогенштейна	30	14	20—26	15—18	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
2. Районъ между оз. Мюленъ и с. Уздау	15 ^{1/2} 32	8 14	24 24	28 17	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ. Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.

Б. 14/27 августа.

1. Районъ у Гогенштейна	30	14	24	14	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ.
2. Районъ между оз. Мюленъ и с. Уздау	12 24	8 11	11 29—35	12 40	Нерѣшительный результатъ для обѣихъ сторонъ. Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.
4. Районъ Гейнрихсгофена (къ за- паду отъ Сольдау)	16	6	6	5	Нерѣшительный успѣхъ на обѣихъ сторонахъ.

В. 15/28 августа.

1. Районъ Гогенштейнъ	30—46	11—19	50	30	Успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.
2. Районъ Валлица	16	10	11	12	Успѣхъ на сторонѣ русскихъ.
3. Районъ Сольдау	20	6	20	39	Рѣшительный и быстрый успѣхъ на сторонѣ нѣмцевъ.

Примѣчаніе: составъ русской артиллеріи, — 85% батарей легкихъ пушекъ и 15% легкихъ гаубицъ; составъ германской артиллеріи, — 55% батарей легкихъ пушекъ, 20% батарей легкихъ гаубицъ, 25% батарей тяжелыхъ гаубицъ и дальнобойныхъ пушекъ.

главнымъ образомъ въ кадровомъ составѣ, и она, въ концѣ концовъ, вынуждена отступить*...

Когда читаешь эти строки, невольно поражаешься той аналогіей, которая имѣетъ мѣсто на обоихъ театрахъ. Но эти явления представляютъ собой слѣдствія одной и той же причины, а потому и наблюдается такое тождество. Только на русскомъ театрѣ войны эти слѣдствія несравненно интенсивнѣе, такъ какъ огневое превосходство германскихъ войскъ надъ русскими гораздо больше, чѣмъ надъ французскими (см. таблицу № 2).

Наши первыя операціи въ Восточной Пруссіи являются разительнымъ примѣромъ. Русскія 1-ая и 2-ая арміи являлись по числу батальоновъ сильнѣе германской 8-й арміи. Въ качественномъ отношеніи наши перволинейныя войска не уступали нѣмецкимъ, ибо большая часть кадроваго офицерскаго и нѣкоторая часть унтеръ-офицерскаго состава получили боевое крещеніе на поляхъ Манчжуріи. Во главѣ этихъ армій стояли выдающіеся боевые генералы — Ренненкампфъ и Самсоновъ. Между тѣмъ, исходъ операцій былъ для насъ катастрофическій.

Одними ошибками, сдѣланными въ стратегіи, объяснить происшедшія неудачи нельзя. Корень зла лежалъ въ томъ, что превосходство въ силахъ — дѣйствительное, а не воображаемое — было на сторонѣ нѣмцевъ, ибо на ихъ сторонѣ было громадное огневое превосходство. Въ приводимой ниже таблицѣ указано число баталіоновъ и батарей, принимавшихъ участіе въ первыхъ бояхъ армій генераловъ Ренненкампфа и Самсонова (Гогенштейнъ — Сольдау и Бишофсбургъ).

Эта таблица весьма показательна. Изъ нея мы можемъ убѣдиться, какое рѣшающее значеніе для успѣха въ бояхъ имѣло превосходство въ артиллерійской огневой силѣ, которое легко осуществлялось нѣмцами, благодаря ихъ болѣе многочисленной артиллеріи. Каждый быстрый и рѣшительный тактический успѣхъ, несмотря на крайнее разнообразіе обстановки, въ которой протекали разсматриваемые бои, имѣлъ своимъ неизмѣннымъ условіемъ превосходство побѣдителя въ 3 раза и больше въ артиллерійской огневой силѣ. (См. табл. № 3).

На французскомъ театрѣ, гдѣ на сторонѣ нѣмцевъ не было столь рѣшительнаго превосходства въ огневыхъ силахъ, какъ это имѣло мѣсто на русскомъ, достиженіе въ бою огневого господства дается нѣмцамъ труднѣе. Послѣ перваго сраженія (Batailles des Fontières) французы отступили вглубь страны; германцы, упоенные успѣхомъ, торопливо за ними слѣдуютъ. Часть тяжелыхъ батарей, вслѣдствіе форсированныхъ маршей, не поспѣваетъ за пѣхотой и опаздываетъ къ началу боевъ; главное же, запаздываетъ тылъ, и у нѣмцевъ начинаетъ сказываться затрудненіе въ снабженіи снарядами. Завязавшееся на Марнѣ сраженіе представляетъ вмѣстѣ съ этимъ большія преимущества для французской артиллеріи. 75 т/т. пушка, представляющая собою идеальное орудіе для пораженія открытыхъ

цѣлей, получаетъ возможность пожать обильную жатву въ густыхъ цѣпяхъ, зазнавшихся послѣ первыхъ побѣдъ, нѣмцевъ.

Но стоило лишь германцамъ отодвинуться назадъ, и въ сраженіи на рѣкѣ Энѣ преимущества, бывшія на сторонѣ французовъ, прекращаются. Съ одной стороны, нѣмцы пододвинулись къ своимъ тыламъ; съ другой, французская 75 м/м. пушка, вслѣдствіе настильности своего огня, предоставляетъ нѣмцамъ многочисленныя мертвыя пространства. Германская 77 м/м. пушка съ помощью легкихъ и тяжелыхъ гаубицъ не даютъ французамъ подобныхъ же возможностей. При такомъ соотношеніи свойствъ огня, Эисское сраженіе, въ которомъ французы наступали, а германцы оборонялись, не могло быть выиграно первыми.

На восточно-европейскомъ театрѣ русскіе могли оспаривать у нѣмцевъ господство въ артиллерійскомъ огнѣ только при слѣдующихъ условіяхъ: 1) когда на одну германскую пѣхотную дивизию выводились двѣ русскія, и во 2) когда нѣмцы лишались возможности производить требуемое обильное снабженіе своей артиллеріи, особенно же тяжелой. Подобныя условія впервые создаются въ октябрь 1914 года. Желая спасти свою союзницу, монархію Габсбурговъ, отъ окончательнаго пораженія, нѣмцы вмѣстѣ съ австро-венграми начинаютъ свое наступленіе къ Ивангороду и Варшавѣ. Попавъ въ наше малодорожье, они не въ состояніи питать полностью свою артиллерію. Русскому же командованію удается сосредоточить противъ нихъ большое число пѣхотныхъ дивизій. Правда, большинство этихъ дивизій не успѣло укомплектоваться и имѣетъ въ своей пѣхотѣ не болѣе 50% штатнаго состава, но число батарей въ каждой изъ нихъ осталось прежнее.

Въ бояхъ, составляющихъ Великую Галиційскую битву, на сторонѣ австро-венгерскихъ дивизій не было особаго превосходства въ огневой силѣ. Зато на сторонѣ русскихъ было превосходство въ числѣ дивизій.

Бои въ Галиціи и на лѣвомъ берегу Вислы тѣмъ и интересны, что для русской арміи создавались огневые условія, въ которыхъ, при искусномъ управленіи войсками, русскіе могли добиваться въ избранныхъ ими мѣстахъ превосходства въ огнѣ. И тогда мы видимъ, что начальники и войска, подобныя тѣмъ, которыя понесли катастрофическія неудачи въ Восточной Пруссіи, успѣшно борются съ нѣмцами и съ австрийцами и бьютъ ихъ. Но изучая каждый изъ тактическихъ успѣховъ, мы увидимъ, что непрѣмной предшествующей успѣшности атаки пѣхоты данной являлось то же условіе, которое можно замѣтить вездѣ и на западно-европейскомъ театрѣ: это условіе, достиженіе превосходства въ артиллерійскомъ огнѣ. Однимъ изъ рельефныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи является прорывъ, осуществленный 9-ой арміей въ октябрь въ районѣ Ивангорода. Несмотря на геройскія усилія Гвардейскаго, XIV и XXV корпусовъ, они не могли въ началѣ продвинуться впередъ. XXV корпусъ былъ даже прижатъ обратно къ своимъ переправамъ черезъ Вислу. Но намъ удается создать большое сосредоточеніе артиллеріи, находив-

шейся въ Ивангородѣ*). Былъ тщательно разработанъ планъ массоваго огня и послѣ интенсивной артиллерійской подготовки артиллерія противника была подавлена и наша пѣхота, хотя и сильно ослабленная потерями, понесенными въ предыдущіе дни, легко прорываетъ позиціи неприятеля. Даже XXV корпусъ, только что передъ тѣмъ отступавшій, блестяще наступаетъ и участвуетъ въ успѣхъ, который быстро превращается въ общую побѣду.

Господствующее значеніе на поляхъ сраженія артиллерійскаго огня сразу же почувствовалось войсками. Распѣдленіе потерь въ бояхъ 1914 года оказалось совсѣмъ инымъ, чѣмъ это было въ предыдущія войны. Отъ артиллерійскаго огня войска терпятъ теперь 75% общихъ боевыхъ потерь, а на долю пѣхотнаго огня выпадаетъ всего 23%.

Подобныя данныя были краснорѣчивѣе всякихъ теоретическихъ доказательствъ.

Вполнѣ естественно, что во всѣхъ государствахъ начали приниматься энергичныя мѣры по усилению артиллеріи.

Усиленіе артиллерійскаго огня дало себя почувствовать и въ другомъ отношеніи. Пушки и гаубицы буквально пожирали снаряды. Всѣ государства, въ томъ числѣ и Германія, просчитались въ предвидѣніи этого аппетита. Вотъ что свидѣтельствуетъ помощникъ Генераль-Квартирмейстера германской Ставки, генераль Фрейтагъ-фонъ-Лорингофенъ: „Потребность въ артиллерійскихъ припасахъ превзошла всѣ ожиданія. Осенью 1914 года наши войска оказывались нѣсколько разъ въ критическомъ положеніи, созданномъ недостаткомъ этого снабженія“. У французовъ кризисъ въ снабженіи снарядами начался вскорѣ послѣ Марны. Положеніе становилось настолько серьезнымъ, что французскій главнокомандующій, генераль Жофрѣ, долженъ былъ взять подъ непосредственный свой контроль распѣдленіе снарядовъ, посылаемыхъ въ различныя арміи. У насъ недостатокъ снарядовъ почувствоовался тоже очень скоро. Уже 22-го августа (4 сент. н. ст.) главнокомандующій юго-зпаднымъ фронтомъ, генераль Ивановъ, счелъ вынужденнымъ циркулярнымъ секретнымъ письмомъ, адресованнымъ всѣмъ артиллерійскимъ начальникамъ, до командировъ бригадъ включительно, предупредить о надвигающемся кризисѣ.

Господствующее значеніе, которое пріобрѣла артиллерія въ современномъ бою, отразилось не только въ указанныхъ выше явленіяхъ, если можно такъ выразиться количественнаго характера. Оно потребовало также крупныхъ измѣненій въ самихъ методахъ боевыхъ дѣйствій, т. е. въ тактикѣ. Послѣдняя изъ „преимущественно ружейной“ должна была стать „преимущественно пушечной“. Но

*) 34 (тридцать четыре) 150 мм. гаубицы 107 мм. пушки.

Дивизионная артиллерія состояла изъ 5-ти батарей легкихъ полевыхъ пушекъ и 2 батарей легкихъ гаубицъ (105 мм); корпусная артиллерія состояла изъ 2-хъ батарей 150 мм. гаубицъ, армейская же артиллерія была столь же слаба, какъ русская. Австро-венгерская доктрина носила рѣзко „ружейный“ характеръ.

слѣдствія этого рода не обнаруживаются такъ отчетливо, какъ явленія „количественнаго характера“. Обнаруженіе ихъ требуетъ большаго наколенія боевого опыта.

Послѣдній пріобрѣтается, прежде всего, самими дерущимися войсками, которыя чисто эмпирическимъ путемъ находятъ отдѣльныя частныя рѣшенія. Создается, такимъ образомъ, рядъ отступленій отъ принятой въ мирное время доктрины. Правильно подготовленный генеральный штабъ долженъ внимательно слѣдить за этими отступленіями, умѣя различить въ нихъ требованія новыхъ боевыхъ условій отъ „ошибокъ“ непосредственныхъ тактическихъ исполнителей.

Изучая теперь бои 1914 года, нельзя не обратить вниманія на тотъ кризисъ, который переживается пѣхотой. Выступивъ на войну въ общепризнанной роли единой царицы полей сраженія, она платитъ страшную цѣну крови за эти претензіи. До своего вступленія въ сферу ружейнаго огня, т. е. до того періода, когда она можетъ принять участіе, какъ активный элементъ борьбы, она несла большія потери отъ непріятельской артиллеріи въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя не была „обузdana“. Когда же пѣхота достигаетъ рубежа, съ котораго она можетъ вступить въ ружейный бой и сгущаетъ свои цѣпи для достиженія превосходства въ ружейномъ огнѣ, ея густыя цѣпи становятся еще легче поражаемымъ объектомъ для непріятельскихъ пушекъ. Естественно, что пѣхота ищетъ помощи въ лопатѣ, инструментѣ, не пользующемся почетомъ въ мирное время.

Но и здѣсь рѣзкія измѣненія въ тактикѣ сразу же чувствуются войсками. Выступили они на войну, воспитанныя въ теоріи „опорныхъ пунктовъ“. Эта теорія находилась въ почетѣ не только у насъ и нашихъ союзниковъ, но и у нашихъ враговъ. Съ первыхъ же шаговъ обнаруживается, что опорные пункты такими, какими они понимались, легко становились гнѣздами для непріятельскихъ снарядовъ. Огонь этихъ „пунктовъ“ быстро гасился массовымъ артиллерійскимъ огнемъ противника; непріятельская пѣхота, при условіи господства на ея сторонѣ артиллерійскаго огня, легко проникала въ промежутки между замолчавшими опорными пунктами, и послѣдніе превращались въ этихъ случаяхъ въ гнѣзда плѣнныхъ.

Войска инстинктивно создаютъ непрорывную траншею, оплетаютъ ее проволокой, и, такимъ образомъ, рождается новый фортификаціонный типъ укрѣпленной позиціи, болѣе соответствующій новой „пушечной тактикѣ“. Значеніе пулемета въ современномъ бою возрастаетъ сразу съ полной очевидностью. Организованный перекрестный огонь этихъ „машинъ“ является фактически неодолимой преградой. Въ то-же время, сразу же обнаруживается, насколько труднѣе непріятельской артиллеріи найти расположенныя въ непрерывной траншеѣ небольшія группы пулеметчиковъ.

Но найденное войсками рѣшеніе является только паліативомъ. Оно „иммобилизуетъ“ пѣхоту, создавая ей терпимое положеніе лишь въ оборонѣ. Проблема пѣхотнаго наступленія не рѣшена. Какъ мы увидимъ, для ея рѣшенія потребуется нѣсколько лѣтъ, полныхъ интенсивнаго совершенствованія матеріальной части.

Потери, которыя несли пѣхота во время своего сближенія и атаки, отражались не только на количественномъ уменьшеніи ея рядовъ, но и въ моральномъ отношеніи. Даже отличная пѣхота нравственно совершенно изматывалась. Духъ ея надламывался. Убыль начальниковъ и лицъ кадрового состава временно дезорганизовывала ея части. Въ такомъ состояніи она становилась легкой добычей для непріятельской пѣхоты, если непріятельскій артиллерійскій огонь продолжалъ господствовать на полѣ сраженія. Въ этомъ случаѣ непріятельская пѣхота могла продвигаться впередъ, не неся большихъ потерь и доходя до противоположной пѣхоты, находящейся въ состояніи моральной простраціи, забирать большую ея часть въ плѣнъ, обращая остатки въ безпорядочное отступленіе. Возрастаніе количества плѣнныхъ является одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей современнаго боя. Если въ прежнія эпохи количество отданныхъ плѣнныхъ являлось исключительнымъ признакомъ дурного качества пѣхоты, то въ настоящую эпоху это можетъ являться также слѣдствіемъ ошибочности боевыхъ методовъ. Массовый огонь современныхъ пушекъ и гаубицъ сталъ могущественнымъ факторомъ, что передъ нимъ не можетъ устоять даже лучшая пѣхота.

Насколько не соответствовали боевые методы, принятые въ русской, французской и австро-венгерской арміяхъ, можно судить изъ слѣдующей данной:

Потери пѣхоты были въ 7 разъ тяжелѣе, чѣмъ въ артиллеріи. Съ измѣненіемъ тактики, какъ мы увидимъ дальше, это взаимоотношеніе измѣняется.

Система боя, имѣющая подобные результаты, очевидно неправильна, такъ какъ основывается на жертвоприношеніи людей. Современное же вооруженіе представляетъ собой такія машины, для которыхъ поглощеніе пушечнаго мяса, по сравненію съ прошлымъ, имѣетъ почти неограниченныя возможности. Противъ такого рода „машинъ“ можно бороться только подобными же „машинами“. Только свой артиллерійскій огонь, сосредоточенный по непріятельской артиллеріи, могъ открыть дорогу пѣхотѣ.

Такимъ образомъ, рѣшающая роль въ начальные періоды боя переходила въ руки артиллеріи.

Опытъ боевъ 1914 года настолько противорѣчилъ французской доктринѣ, что психологически естественнымъ становится другая крайняя точка зрѣнія, а именно, взглядъ на пѣхоту, какъ на прикрытіе артиллеріи. Но тотъ же опытъ 1914 года заключаетъ въ себѣ другого рода явленія, которыя показываютъ, что за пѣхотой въ современномъ бою осталась громаднаго значенія активная роль. Но этого рода явленія прошли сразу недостаточно замѣченными или ложно объясненными.

Типичнымъ примѣромъ могутъ служить событія имѣвшія мѣсто въ XVII германскомъ корпусѣ въ періодъ нашихъ первыхъ операцій въ Восточной Пруссіи. Въ бою при Гумбиненѣ этотъ корпусъ атакуетъ центръ расположенія арміи генерала Ренненкампа. Энергичный командиръ корпуса генералъ Макензенъ ведетъ своей пѣхо-

той лобовую атаку, не достигнувъ превосходства огня надъ русской артиллеріей. Противъ 34 нѣмецкихъ батарей оказывается 22 русскихъ (3 артиллерійскія бригады и 2 мортирныхъ дивизиона), которымъ удается сохранить за собою полную свободу дѣйствій. Германская пѣхота въ точности выполняя устарѣлыя требованія своего пѣхотнаго устава, ведетъ атаку густыми цѣпями. Наказаніе послѣдовало жестокое. Нѣмецкая пѣхота разстрѣливается русской артиллеріей. Она все-таки доходитъ до сферы дѣйствительнаго ружейнаго огня. Но къ этому времени, будучи морально надломленной, она не въ состояніи выдержать состязанія съ огнемъ русской пѣхоты и отходить назадъ. При этомъ отходъ она даже бросаетъ 12 пушекъ, непосредственно сопровождавшихъ ея движеніе впередъ. Пѣхота русскаго III-го корпуса, понесшая большія потери въ бою, два дня передъ этимъ (у Сталупенена), не использовала критическаго положенія пѣхоты Макензена. Общей контръ-атаки на фронтъ III-го корпуса не было, что позволило германскому командованію вывести корпусъ изъ боя, направивъ его затѣмъ противъ арміи Самсонова. Черезъ 5 дней тотъ же XVII германскій корпусъ одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ русскими у Бишофсбурга, а затѣмъ по инициативѣ не потерявшаго въ первомъ пораженіи сердца генерала Макензена, рѣшительнымъ движеніемъ впередъ, завершаетъ окруженіе центральныхъ корпусовъ арміи генерала Самсонова.

На русской сторонѣ было много аналогичныхъ случаевъ, когда войсковыя части, потерпѣвшія въ бою, ускользнувъ отъ непосредственнаго преслѣдованія, въ ближайшіе же дни вновь появляются на новомъ полѣ сраженія и играютъ тамъ роль рѣшающаго побѣду фактора. Въ этомъ отношеніи интереснымъ примѣромъ могутъ служить дѣйствія V-й русской арміи генерала Плева. Бой у Комарова для нея неудаченъ и она вынуждена начать отходъ. Австро-венгерское командованіе рѣшаетъ воспользоваться своимъ успѣхомъ для того, чтобы повернуть только что одержавшіе побѣду у Комарова корпуса въ направленіи, угрожающемъ русской III-й арміи. Примѣняя масштабы прежнихъ временъ, оно считаетъ русскую V-ую армію неспособной въ ближайшій періодъ для наступательной операціи. Но черезъ нѣсколько дней V-ая русская армія своимъ наступленіемъ дѣлаетъ несостоятельными всѣ оперативные расчеты австро-венгерскаго генеральнаго штаба, и арміи Имперіи Габсбурговъ терпятъ рѣшительное пораженіе въ Галиціи.

Причины подобныхъ „оживаній“ разбитыхъ частей лежатъ въ новыхъ условіяхъ боя. Какъ мы указали, въ современномъ бою пѣхота морально изнашивается несравненно быстрѣе, чѣмъ въ прежнія эпохи. Когда въ ней наступаетъ „моральный надломъ“, она становится легкой добычей непріятельской пѣхоты. Но для этого нужно, чтобы послѣдняя „подошла“ къ ней. Если же послѣдняя не подойдетъ къ ней, чтобы ее „взять“, то моральный кризисъ остается неиспользованнымъ. Подъ покровомъ ночи разстроенныя части могутъ выйти изъ боя. За ночь „нервы“ бойцовъ нѣсколько отойдутъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти потери не превышаютъ 20—30%,

войска, проведя нѣсколько дней въ болѣе спокойной обстановкѣ, конечно хорошія войска, морально возстановляются.

Отсюда мы видимъ, что къ „артиллерійскимъ побѣдамъ“ болѣе, чѣмъ когда-либо приложима старая пословица: „недорубленный лѣсъ вырастаетъ“. Такимъ образомъ, даже въ кампанію 1914 года за пѣхотой оставалось по-прежнему значеніе главнаго, наряду съ артиллеріей, рода войскъ. Только въ измѣнившихся условіяхъ боя „ударъ“ производился не пѣхотой, а снарядами, непосредственно за которыми должна была слѣдовать пѣхота для того, чтобы собирать „плоды“ огневой атаки.

Эти условія требовали большихъ измѣненій въ существовавшихъ до 1914 года доктринахъ. вмѣстѣ съ этимъ, они выдвигали на первое мѣсто проблему осуществленія тѣснѣйшей связи между обоими родами войскъ, связи настолько тѣсной, что прежніе приемы и средства оказывались недостаточными.

Съ началомъ войны переживалъ кризисъ и третій главный родъ войскъ — Кавалерія. Собственно говоря, ея кризисъ начался уже и въ предыдущія войны. Англо-Бурская и Русско-Японская войны явно показали, что ученіе о кавалерійскомъ „шокѣ“, на которомъ зиждилось все знаніе кавалерійской тактики старой конницы, совершенно отжило свой вѣкъ. Но картина конныхъ атакъ эпохи Фридриха II упорно гипнотизируетъ военные умы. Введенныя въ кавалерійскіе уставы всѣхъ странъ измѣненія были только поправками, и густое наслоеніе сдѣланныхъ уступокъ лишь скрывало оставшіяся на первомъ мѣстѣ принципъ „шока“. Несмотря на то, что въ военной литературѣ послѣ Англо-Бурской войны появилось много талантливыхъ статей, указывавшихъ на устарѣлость „кавалерійскихъ идей“, я могъ въ 1909 году на французскихъ кавалерійскихъ маневрахъ видѣть въ кавалерійскихъ дивизіяхъ бригады кирасиръ въ кирасахъ. Каждая изъ маневрирующихъ сторонъ старалась, какъ хрупкую посуду, донести въ цѣлости эти бригады для производства окончательнаго „шока“.

Въ кампаніи 1914 года участвуетъ такое огромное количество конницы, что кавалерійскія силы, выставленныя въ предыдущія войны, кажутся совершенно ничтожными. Всегда участвуетъ на европейскихъ театрахъ около 70 дивизій армейской конницы и столько же въ видѣ бригадъ корпусной, полковъ и эскадроновъ — дивизионной конницы.

Казалось-бы, что произведенъ былъ опытъ, исчерпывающій по своей полнотѣ. И что-же? Былъ только одинъ случай столкновенія въ сомкнутыхъ строяхъ двухъ дивизій: это былъ конный бой между русской 10 кавалерійской дивизіей графа Келлера и 4-ой австрійской генерала Заремба, имѣвшій мѣсто 8/21 августа у Волчковце въ Галиціи. Шокъ конныхъ массъ оказался столь-же рѣдкимъ явленіемъ, какъ и солнечное затменіе, которое по своенравной волѣ судьбы совпало съ минутами этого боя. Правда, въ кампаніи 1914 г. было довольно много случаевъ разсыпныхъ конныхъ атакъ, но въ огромномъ, подавляющемъ числѣ случаевъ кавалерія дѣйствовала

огнемъ своихъ ружей, пулеметовъ и пушекъ; конныя атаки являлись лишь частичными эпизодами огневого боя.

Въ первые дни войны въ высшихъ штабахъ поднялись осуждающіе кавалерію голоса, и, чѣмъ дальше отъ линии огня были эти штабы, тѣмъ безпощаднѣе они произносили свой приговоръ надъ будто-бы „робостью“ конницъ, несмѣвшей, какъ это было сказано въ одномъ изъ приказаній по арміи, „помѣриться съ врагомъ холоднымъ оружіемъ“. Виновными во всемъ этомъ считались кавалерійскіе начальники, нежелавшіе „держаться“.

Наивно, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что среди огромнаго числа кавалерійскихъ начальниковъ всѣхъ арміи не находились „истинные кавалеристы“.

Но сѣтованія на конницу представляли собой лишь повторенія очень стараго припѣва. Еще въ 1867 г. извѣстный французскій писатель (военный), маіоръ Арданъ-Дю-Пикъ пишетъ въ своей замѣчательной въ психологическомъ отношеніи книгѣ „изслѣдованіе боя“*), слѣдующія слова: „Еще во времена Имперіи въ европейскихъ арміяхъ укоренилось мнѣніе, что кавалерія не достигала тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали, результатовъ дѣйствительно большихъ, потому что у насъ и у всѣхъ другихъ націй не доставало настоящаго кавалерійскаго генерала“. Повидимому настоящій кавалерійскій генераль — „это такой феноменъ“, иронически добавляетъ маіоръ Арданъ-Дю-Пикъ, „который не появляется даже разъ въ 1.000 лѣтъ“. Мы-же поставимъ себѣ вопросъ: какую практическую цѣнность имѣлъ бы инструментъ, на которомъ никто не можетъ играть.

Въ дѣйствительности дѣло обстояло совершенно не такъ, какъ это думали многочисленные критики. Смѣлыхъ кавалерійскихъ начальниковъ было много. Была и отличная конница. Но тактической кризисъ, который она переживала, былъ еще глубже и серьезнѣе, нежели кризисъ пѣхоты.

Въ самомъ дѣлѣ: если послѣдняя переживала трагическія минуты раньше, чѣмъ сблизить свои цѣпи на дистанцію ружья, то что же должна была переживать кавалерія раньше, чѣмъ сблизиться на шашечный ударъ, да при томъ въ сомкнутыхъ строяхъ. Современные пушки и пулеметы оказались такого рода инструментами, которые не позволяютъ безнаказанно странствовать въ сферѣ своего массоваго огня большимъ цѣлямъ.

Какъ часто участникамъ боевъ 1914 года приходилось слышать въ нашихъ пѣхотныхъ цѣпяхъ, въ тѣ минуты, когда передъ ними начиналъ обнаруживаться отходъ пѣхоты противника, крики: „кавалерію, кавалерію, кавалерію“. И когда изъ тыла поля сраженія прибывала конница, то было уже поздно. Условія современнаго огневого боя таковы, что непосредственная эксплуатація результатовъ огня возможна только для самой пѣхоты, Кавалерія въ состояніи лишь

*) Переведено на русскій языкъ генераломъ Пузыревскимъ.

продолжить начавшееся преслѣдованіе пѣхотой, а также для воздѣйствія на открытыхъ флангахъ.

Кризисъ, переживаемый конницей, обуславливался и еще одной данной: питая надежды „пробивать шокомъ“, она оказалась малоспособной „пробивать“ въ пѣшемъ строю. При всякомъ малѣйшемъ затрудненіи она обращалась за помощью къ пѣхотѣ. Къ какимъ огромнымъ, по своему стратегическому значенію, послѣдствіямъ могла приводить подобная пробивная несостоятельность конницы, можетъ быть укалано на примѣръ изъ сраженія на Марнѣ.

Во время этого сраженія между арміями фонъ Клука и фонъ Бюлова съ 6 по 13 сентября образуется широкий прорывъ. Въ теченіе 3-хъ сутокъ (съ 8 по 10) этотъ прорывъ достигаетъ по фронту 50-ти верстъ. Резервовъ нѣмецкое высшее комадованіе не имѣетъ; оно можетъ лишь замаскировать этотъ прорывъ слабой кавалерійской завѣсой. Противъ этого прорыва находились три французскихъ и одна англійская кавалерійскихъ дивизіи. Судьба посылала имъ исключительно счастливый случай. Еслибъ имъ удалось проникнуть въ этотъ прорывъ, положеніе арміи фонъ Клука оказалось бы катастрофическимъ, и въ худшемъ случаѣ Марнское сраженіе кончилось бы полнымъ очищеніемъ Франціи отъ германскихъ войскъ.

И, несмотря на эту тактическую несостоятельность, кавалерія все-таки играетъ значительную стратегическую роль. Причина заключается въ томъ, что присущее ей свойство „подвижности“ дѣлало ее цѣннѣйшимъ элементомъ во всякаго рода стратегическихъ маневрахъ.

Громадныя пространства русскаго театра заставили начать войну съ большими интервалами между арміями. Всѣ эти интервалы заволакивались конницей, и образованная ею завѣса закрывала передъ противникомъ истинные контуры нашихъ группировокъ.

Фланги и тылы своихъ войскъ охраняются ею на широкихъ пространствахъ; вмѣстѣ съ этимъ она, благодаря той же подвижности, имѣетъ больше возможности угрожать флангамъ и тыламъ противника. Примѣры удачныхъ стратегическихъ дѣйствій этого рода многочисленны на русскомъ театрѣ. Внимательный анализъ каждой крупной операціи это покажетъ. Мы употребили здѣсь слово „внимательный“, ибо слишкомъ часто изслѣдователь въ своихъ выводахъ забываетъ тотъ тактическій кризисъ, который переживался конницей. Вслѣдствіе этого тактическіе результаты почти всегда были несравненно меньше, чѣмъ этого отъ кавалеріи ожидали.

Въ условіяхъ 1914 года кавалерія могла лишь создавать выгодную стратегическую обстановку на полѣ сраженія; тактическое же использованіе этой обстановки выпадало на долю пѣхотныхъ дивизій, которыя и пожинали плоды, часто даже не сознавая того, что сдѣлала конница, и продолжая ее ругать.

Вотъ почему гораздо ярче выдѣляются при изученіи кампаніи 1914 года тѣ случаи, когда отсутствіе кавалеріи давало себя сильно чувствовать. Въ первыхъ операціяхъ въ Восточной Пруссіи нѣмцы выступили, имѣя всего одну кавалерійскую дивизію; но зато они снабдили каждую пѣхотную дивизію полкомъ хорошей конницы и

каждую отдѣльную бригаду 2—3 эскадронами. Мы же придерживались другого взгляда. Вся дѣйствительно боеспособная кавалерія была сведена въ кавалерійскія дивизіи, и на долю пѣхотныхъ дивизій достались лишь второочередныя или третьоочередныя казачьи части. Послѣднія, во-первыхъ, сильно опаздывали прибытіемъ на театръ военныхъ дѣйствій; во-вторыхъ, представляли собой наскоро собранныя части, требовавшія еще довольно продолжительнаго срока для обученія. Въ результатъ, русскія пѣхотныя дивизіи оказались въ первыхъ встрѣчныхъ маневрахъ слѣпыми и съ неохраненными флангами и тылами. Бой у Сталупенена III-го корпуса (7/20 августа), у Бишофсбурга VI-го корпуса (13/26 августа), боевыя дѣйствія XV—XIII корпусовъ въ операциі арміи Самсонова могутъ служить яркими иллюстраціями тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыя имѣло отсутствіе въ непосредственномъ распоряженіи начальниковъ дивизій и командировъ корпусовъ кавалеріи.

Въ итогъ изученія кампаніи 1914 года можно прийти къ слѣдующимъ выводамъ: кавалерія осталась по-прежнему необходимѣйшимъ факторомъ всякаго стратегическаго маневра. Тактически она оказалась несостоятельной для рѣшенія многихъ изъ задачъ на полѣ сраженія. Новая условія боя требовали радикальнаго измѣненія въ методахъ боевыхъ дѣйствій конницы, но и такого-же измѣненія въ тактическихъ взглядахъ на ея примѣненіе.

* * *

Въ прежнія эпохи эволюція формъ военнаго искусства происходила много разъ медленнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Развитие современной техники идетъ столь быстрыми шагами, что опытъ минувшей войны и даже кампаніи становится устарѣлымъ для слѣдующей. Это характернѣйшая особенность современной эпохи.

Въ прежнія эпохи выработка опредѣленной тактической доктрины являлась дѣломъ несравненно болѣе легкимъ, чѣмъ теперь. Примѣненіе минувшаго боевого опыта не требовало большихъ правокъ. Съ началомъ новой войны въ доктрину не приходилось вводить существенныхъ измѣненій, и войска могли дѣйствовать въ теченіе всей войны, исповѣдуя тотъ-же тактической символъ вѣры, которому они были ранее обучены.

Теперь положеніе создается неизмѣримо болѣе трудное. Фундаментъ минувшаго опыта быстро старѣетъ, и уже въ ближайшіе годы приходится замѣнять его предугадываніемъ будущаго. Отсюда видно, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ Военная Наука.

Здѣсь мы приходимъ къ существеннѣйшему вопросу, выдвинутому современной войной.

Высшее вожденіе войскъ въ современную эпоху заключается не только въ томъ, чтобы правильно распредѣлить и направить арміи. Оно заключается также въ постоянномъ обновленіи примѣняемыхъ войсками тактическихъ методовъ и въ энергичномъ исканіи въ современной техники все новыхъ и новыхъ

средствъ борьбы. Это предъявляетъ къ штабу верховнаго командованія самыя высокія научныя требованія.

Поэтому, преждѣ чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію развитія тактики въ послѣдующихъ кампаніяхъ, я вынужденъ задержать вниманіе читателя на разсмотрѣніи того, насколько высшіе штабы различныхъ государствъ были подготовлены къ этой новой задачѣ, выдвинутой эпохой. Безъ этого разсмотрѣнія будетъ неяснымъ различіе въ степени использованія того боевого опыта, который собирався войсками на поляхъ сраженій.

Во всѣхъ государствахъ штабы верховныхъ главнокомандующихъ автоматически сформировались при мобилизаціи изъ учрежденій, аналогичныхъ германскому Большому Генеральному Штабу.

У насъ подобную роль должно было играть Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Хотя въ мирное время на него такъ-же, какъ и въ Германіи, выпадала тяжелая и отвѣтственная задача по разработкѣ плана войны, все-же въ дѣйствительности различіе съ нѣмецкимъ Большимъ Генеральнымъ Штабомъ было значительно.

Въ Германіи болѣе четверти личнаго состава Большого Генеральнаго Штаба было непосредственно занято разработкой опыта послѣднихъ войнъ и научнымъ изслѣдованіемъ вытекающихъ новыхъ проблемъ въ стратегической и тактической наукѣ.

Военная Академія представляла собой неразрывное цѣлое съ Большимъ Генеральнымъ Штабомъ; ея профессора являлись въ то же время и главнѣйшими дѣятелями Большого Генеральнаго Штаба. Самъ начальникъ Генеральнаго Штаба являлся по примѣру фельд-маршала Мольтке главнымъ и непосредственнымъ руководителемъ всѣхъ научныхъ работъ.

Наше Главное Управленіе Генеральнаго Штаба по существу дѣла имѣло мало общаго съ военной наукой, ибо то обстоятельство, что оно комплектовалось лицами, окончившими болѣе или менѣе давно Военную Академію, вовсе еще не означало, что эти лица были активными работниками въ области военной науки. Тѣ отдѣльныя лица, которыя являлись таковыми, были счастливыми исключеніями, а не правиломъ. Начальнику русскаго Генеральнаго Штаба были подчинены двѣ военно-историческія комиссіи, занятыя разработкой исторіи войнъ 1877—78 гг. и 1904—1905 гг., а также и Военная Академія. Но это была связь чисто административнаго характера. За исключеніемъ генерала Палицына и генерала Мышлаевскаго ни одинъ изъ быстро смѣнявшихся другъ друга начальниковъ Генеральнаго Штаба научной работой въ области стратегіи и тактики не интересовался. Послѣдній же изъ бывшихъ на этой должности лицъ — генералъ Янушкевичъ, хотя и былъ изъ профессоровъ Академіи, имѣлъ лишь одинъ научный трудъ, посвященный вопросамъ интендантской службы, и по собственному признанію въ началѣ войны считалъ себя совершенно неподготовленнымъ въ области стратегіи и тактики.

Отсутствіе настоящей военной связи Военной Академіи съ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба было столь велико, что съ 1911—12 гг. Конференція Академіи отстранила отъ руководства так-

тическими занятиями всѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, не входившихъ въ постоянный составъ Академіи, вслѣдствіе отсталости ихъ въ тактическихъ знаніяхъ.

Сравнивая германскій Большой Генеральный Штабъ съ нашимъ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба, приходится констатировать, что если первый былъ прежде всего военно-научнымъ учрежденіемъ, то второе представляло собой учрежденіе исключительно военно-бюрократическое.

Подобное положеніе вещей сказалось не только на качествѣ военныхъ доктринъ, съ которыми выступила русская и германская арміи на поле битвы 1914 г.; оно ярко отразилось и на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ войны. Наша Ставка оказалась органомъ неподготовленнымъ къ той научной работѣ, которая требовалась условіями эпохи. На нашего Верховнаго Главнокомандующаго выпадала совершенно непосильная задача вожденія войскъ, не имѣя въ рукахъ соотвѣтствующаго духу времени аппарата управленія. Подобная задача была непосильна даже для генія; напомнимъ положеніе величайшаго изъ полководцевъ, Наполеона, въ кампаніяхъ 1813, 1814 и 1815 гг.

Дабы не быть голословнымъ, я приведу въ видъ примѣра, какъ Ставка реагировала на наши первоначальныя неудачи. Казалось-бы, что эти неудачи, въ особенности же Самсоновская катастрофа, заставляли очень и очень призадуматься. Размѣры и обстановка, въ которой произошла послѣдняя, позволяли съ очевидностью предполагать, что главныя причины лежатъ не въ непосредственныхъ исполнителяхъ, а гдѣ-то глубже.

24 августа (6 сент. н. ст.) Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго пишетъ Главнокомандующимъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго фронтовъ (№№ 472, 473), что „... опытъ протекшихъ операцій наводитъ на мысль о томъ, что наши арміи и, въ частности, корпуса въ этихъ арміяхъ дѣйствуютъ нерѣдко не въ должной связи и разбрасываются на слишкомъ большія разстоянія. Такой способъ дѣйствій, при недостаточной маневренной гибкости и подвижности, можетъ приводить къ довольно опаснымъ положеніямъ, изъ которыхъ приходится выходить путемъ большихъ усилий и жертвъ. Верховный Главнокомандующій повелѣлъ мнѣ обратиться на изложенное соображеніе вниманіе Ваше и просить преподать соотвѣтствующія указанія Командующимъ Арміями“.

Растяжка армій и корпусовъ являлась прямымъ слѣдствіемъ двухъ главныхъ причинъ: 1) необыкновенной чувствительности фланговъ въ современномъ огневомъ бою и 2) непосильностью задачъ, возлагаемыхъ высшимъ командованіемъ на эти войсковыя соединенія. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ выше указаніяхъ Ставки нельзя обнаружить даже попытки проникнуть въ сущность новыхъ явленій тактики. Чрезвычайно характеренъ и чисто „бюрократическій“ приемъ переложить на низшую инстанцію („преподать соотвѣтствующія указанія Командующимъ Арміями“) то, что должно быть сдѣлано наверху.

Я вынужденъ былъ остановить ваше вниманіе на этой печальной картинѣ военно-научнаго баланса, съ которымъ мы выступили на войну, дабы объяснить, почему богатый опытъ кампаніи 1914 г. не вызвалъ со стороны Ставки усилій для радикальнаго исправленія нашихъ до-военныхъ тактическихъ взглядовъ. Войска-же, не получая руководящихъ указаній сверху, начали сами выработать свои приемы. Но эти приемы диктовались „мѣстнымъ“ опытомъ и въ результатъ въ русской арміи создались еще большая „пестрота“ въ тактическихъ взглядахъ нежели та, которая имѣла мѣсто до войны.

Французская армія, создаваемая послѣ пораженія 1870—71 гг., возраждалась съ глубокой вѣрой въ значеніе военной науки. Устройство ея Генеральнаго Штаба во многомъ отличалось отъ организаціи нѣмецкаго. Но въ основѣ его военно-научнаго міровоззрѣнія лежало такъ-же, какъ и въ Германіи, пониманіе эволюціоннаго характера новаго военнаго искусства и стремленіе искать отвѣтовъ на всѣ новыя проблемы въ изученіи, прежде всего, самой практики жизни. Парижская Военная Академія строитъ все обученіе и воспитаніе будущаго высшаго команднаго состава на прикладномъ методѣ, рѣзко отрываясь отъ той схоластики, которая еще упорно держится во многихъ закоулкахъ военной науки. Французскіе военные министры настойчиво поддерживаютъ эту традицію. Имъ удается привлекать на кафедры Военной Академіи цвѣтъ офицерства. Достаточно напомнить, что маршалы Фошъ, Петенъ, Файоль — это все бывшіе профессора. Правда, во Франціи не было столь прочной связи между Военной Академіей и центральнымъ органомъ Генеральнаго Штаба, какъ въ Германіи, но все-таки научная связь между этими двумя учрежденіями была неизмѣримо тѣснѣе, чѣмъ въ Россіи. Поэтому первыя же неудачи французской арміи заставили штабъ Жоффра немедленно реагировать 2-мя инструкціями: отъ 16 августа и отъ 24 августа.

Объ эти инструкціи указываютъ на необходимость считаться съ сильно возросшей дѣйствительностью артиллерійскаго огня. Онъ предостерегаютъ пѣхоту отъ той поспѣшности, съ которой она ведетъ наступленіе, стремясь овладѣть расположеніемъ противника съ налета. Во измѣненіе указаній уставовъ, объ инструкціи требуютъ отъ артиллеріи не только огневого сопровожденія пѣхотной атаки, но и специальной артиллерійской подготовки объектовъ пѣхотной атаки. Въмѣстѣ съ этимъ объ инструкціи обращаютъ вниманіе на необходимость тѣснѣйшей связи между пѣхотой и артиллеріей. По отношенію къ пѣхотѣ инструкція 24-го августа говоритъ: „Пѣхота, повидимому, не отдаетъ себѣ отчета въ длительности боевъ. Разворачивая большую часть своихъ силъ въ густыя цѣпи, она подставляетъ ихъ сразу подъ непріятельскій артиллерійскій огонь, который коситъ ихъ, останавливаетъ ихъ дальнѣйшее продвиженіе и отдаетъ ихъ во власть непріятельской контръ-атаки. Пѣхота должна вести бой посредствомъ достаточно разрѣженныхъ стрѣлковыхъ цѣпей, все время поддерживаемыхъ своей артиллеріей. Это увеличитъ способность пѣхоты къ длительному бою вплоть до той минуты, когда

успѣшность атаки будетъ подготовлена". Относительно кавалеріи та же инструкция указываетъ, чтобы „кавалерійскія дивизіи всегда имѣли пѣхотныя поддержки, дабы увеличить свою наступательную силу“.

Объ упомянутыя инструкции по многимъ вопросамъ остаются еще въ области зачатковъ мысли. Для окончательнаго оформленія этихъ идей требовался болѣе длительный опытъ. Но объ инструкции показываютъ радикальное измѣненіе въ тактическихъ взглядахъ, по сравненію съ до-военными.

Въ германской арміи столько радикальныхъ измѣненій въ доктринѣ не требовалось. Нужно было лишь ввести коренныя измѣненія въ тактику пѣхоты, особенно по отношенію ея тенденции къ густымъ цѣлямъ. Въ общей же тактикѣ германской ставкѣ оставалось продолжать разработку тѣхъ путей, по которымъ шелъ въ мирное время ихъ Большой Генеральный Штабъ.

ГЛАВА 3-я.

КАМПАНИЯ 1915 ГОДА.

1915 годъ застаеъ большую часть фронтовъ вросшими въ землю и оплетенными проволокой. Для маневра на флангахъ на французскомъ театрѣ мѣста уже нѣтъ. На русскомъ — эта возможность тоже все сокращается. Передъ наступающимъ вырастаетъ во всей своей сложности проблема прорыва заблаговременно укрѣпленной позиціи.

Русское Верховное Командованіе рѣшаетъ использовать результаты своей побѣды въ Галиціи. Эта побѣда значительно подорвала духъ австро-венгерской арміи. Направленіе для главнаго удара избирается то, которое ведетъ черезъ Карпаты въ Венгерскую равнину.

Условія прорыва въ горахъ (такъ-же, какъ и въ лѣсахъ) затрудняютъ примѣненіе въ полномъ объемѣ современной матеріальной части. Всѣ рѣшительныя дѣйствія сосредоточиваются въ ограниченныхъ горами долинахъ и лощинахъ, что, въ свою очередь, ограничиваетъ возможность развертыванія многочисленной тяжелой артиллеріи. Это облегчало задачу прорыва русской арміи, „бѣдной“ въ артиллерійскомъ отношеніи. Несмотря на кризисъ въ снабженіи снарядами, потребное количество ихъ могло быть ассигновано на указанную операцию; но это напряженіе вело къ израсходованію послѣднихъ запасовъ, и въ томъ случаѣ, если рѣшительный стратегическій результатъ не достигался быстро, „снарядный кризисъ“ могъ превратиться въ катастрофу.

Ограниченная возможность развертыванія матеріальныхъ средствъ позволяла использовать качественное превосходство нашей пѣхоты. Послѣ боевъ въ Галиціи она твердо вѣрила въ побѣду надъ Австро-Венгеріей, и это былъ одинъ изъ существенныхъ козырей въ рукахъ русскаго командованія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ операционному направленію черезъ Карпаты были присущи отрицательныя свойства. Дѣйствія въ горахъ развиваются крайне медленно, и операциі принимаютъ затяжной характеръ. Пѣхотѣ, даже налегкѣ, приходится встрѣчать столь трудныя мѣстныя условія, что всякій обходъ требуетъ много времени. Вотъ почему нашъ извѣстный военный ученый генераль Лееръ и сдѣлалъ въ своей стратегіи такой выводъ: горные раіоны всегда являются театрами второстепенныхъ операциі, ибо ходъ операциі на рядомъ лежащемъ равнинномъ театрѣ протекаетъ настолько быстро, что въ конечномъ итогѣ судьба кампаніи рѣшается тамъ.

Германское Верховное Командованіе, конечно, не собиралось дать намъ время окончательно выбить изъ строя Австро-Венгерію. Оно переноситъ центръ тяжести своихъ дѣйствій на русскій театръ, и мѣстомъ приложенія своего главнаго удара весною 1915 г. избираетъ районъ между Дунаемъ и Карпатами во флагъ пробивающимся въ Венгерію русскимъ арміямъ. Для прорыва русской позиціи на р. Дунайцъ они сосредотачиваютъ около одного милліона германскихъ и австро-венгерскихъ войскъ, снабженныхъ многочисленной артиллеріей. Неудачный опытъ прорыва русскихъ позицій къ западу отъ Варшавы, продѣланный нѣмцами въ районѣ Боржимова зимой 1915 г. ярко показалъ имъ, что для того, чтобы пробить окопавшіеся фронты, нужно превосходство въ артиллеріи еще больше, чѣмъ это требовалось въ маневренныхъ бояхъ 1914 года.

Дабы охарактеризовать, какова оказалась разница въ огневыхъ силахъ между „прорывающей“ германской арміей генерала Макензена и „прорываемой“ русской арміей генерала Радко-Дмитріева (3-я Армія), мы укажемъ на слѣдующія цифры:

Противъ фронта только одного русскаго X-го корпуса у нѣмцевъ было сосредоточено не менѣе 24-хъ батарей тяжелой артиллеріи; на фронтъ-же всей 3-ей Русской Арміи въ составѣ 7-ми корпусовъ и занимавшей фронтъ въ 200 верстъ, имѣлась лишь полубатарея 150 мм. гаубицъ и полубатарея 107 мм. дальнобойныхъ пушекъ.

Вполнѣ понятно, что никакая, даже сверхъестественная, доблесть русской пѣхоты не могла остановить германскаго прорыва. 19-го апрѣля нѣмецкій прорывъ измѣряется по фронту 16-ью верстами; черезъ 3 дня прорывъ достигаетъ 140 верстъ, а еще черезъ 3 дня 200 верстъ. Тактическій прорывъ превратился въ стратегическій, выводящій во флангъ и тылъ русскимъ арміямъ, дерущимся на Карпатахъ, и весь нашъ юго-западный фронтъ вынужденъ былъ начать отступленіе. Дальнѣйшій общій ходъ кампаніи 1915 года заключался въ томъ, что ударная группа Макензена продолжала послѣдовательно „продавливать“ всѣ позиціи, на которыхъ русскіе задерживались. Операционная линія этого молота прошла черезъ Перемышль на Брестъ-Литовскъ.

Намъ особенно важно отмѣтить фактъ, что рѣки крови не могли остановить этого молота. Здѣсь ярко выявилось то, о чемъ мы упоминали въ прошлой лекціи: поглощеніе современной матеріальной частію „пушечнаго мяса“ имѣетъ неограниченные предѣлы. Нѣмецкій молотъ работаетъ точно и вѣрно, какъ правильно налаженная машина.

Сущность этого тактическаго „маханизма“ заключалась въ слѣдующемъ.

Германцы сосредотачиваютъ на избранномъ для прорыва направленіи большую часть своей тяжелой артиллеріи. Послѣдняя съ разсвѣта начинаетъ свое разрушительное дѣйствіе по русской артиллеріи и по русскимъ окопамъ. Нѣмецкая легкая артиллерія пробиваетъ проходы въ проволочныхъ загражденіяхъ. Часа черезъ 4-е герман-

ская пѣхота, выжидавшая въ своихъ траншеяхъ окончанія артиллерійской подготовки, начинаетъ свою атаку и почти безъ потерь занимаетъ русскіе окопы. Быстротѣ и дѣйствительности нѣмецкой артиллерійской подготовки чрезвычайно содѣйствовали особыя обстоятельства: 1) въ снабженіи русской арміи огнестрѣльными припасами наступила катастрофа; на пушку въ среднемъ допускался расходъ въ 5 патроновъ. Чувствовался также сильный недостатокъ и въ ружейныхъ патронахъ. Вслѣдствіе этого и безъ того малочисленная русская артиллерія и пулеметы по существу дѣла становились еще болѣе малочисленными, такъ какъ между ними многіе превращались въ „молчальниковъ“. Не могло быть и рѣчи о противодѣйствіи противнику массовымъ и машиннымъ огнемъ; 2) Русская пѣхота придерживалась той же тактики, съ которой она выступила на войну; сопротивление ея сосредотачивалось на оборонѣ одной траншеи, которая для этого густо населялась стрѣлками. Это было какъ нельзя болѣе на руку новымъ методамъ атаки, принятымъ германцами. Мы сокращали срокъ, нужный для ихъ артиллерійской подготовки и увеличивали ея дѣйствительность, ибо черезъ нѣсколько часовъ въ обваленныхъ окопахъ были погребены лучшія пѣхотныя силы. Нѣмцамъ приходилось сдѣлать лишь небольшое усиліе, чтобы забрать въ плѣнъ оставшіяся тамъ группы оглушенныхъ бойцовъ.

Съ равномѣрностью фабричной работы дѣйствія нѣмецкаго молота повторяются на протяженіи всей ихъ главной операціонной линіи. Мы хотѣли „тѣлами“ защищать „каждую пядь земли“; нѣмцы же выбиваютъ эти „тѣла“ артиллерійскимъ огнемъ. Предѣлъ, до котораго можно противопоставлять доблесть войскъ матеріальной части противника былъ далеко уже перейденъ.

Катастрофа въ артиллерійскомъ снабженіи, конечно, являлась первопричиной нашихъ кровавыхъ неудачъ. Но были также и другія причины, менѣе замѣтныя сразу. Мы не уяснили себѣ, что измѣненія тактическихъ методовъ интенсивно продолжается и во время самой войны, притомъ настолько быстро, что каждый новый періодъ боевыхъ столкновеній требуетъ новыхъ приѣмовъ боевыхъ дѣйствій и даже новой доктрины.

Русскія войска еще болѣе остро, чѣмъ въ 1914 году, почувствовали весной 1915 года необходимость кореннаго измѣненія въ примѣняемыхъ ими тактическихъ методахъ. Научнаго руководства сверху не было, и войска сами начали вырабатывать новые приѣмы. Дать общую картину этой работы, протекавшей подъ сильнымъ влияніемъ мѣстныхъ условій, не представляется возможнымъ. „Пестрота“ ея требуетъ слишкомъ обширныхъ матеріаловъ, которыми мы не располагаемъ. Но для того, чтобы доказать, что исканіе новыхъ идей происходило, мы приведемъ примѣръ боевыхъ дѣйствій одной изъ армій, а именно 9-ой*).

*) Беседы дѣйствія 9-ой арміи мнѣ хорошо знакомы по должности генералъ-квартирмейстера этой арміи, которую я занималъ въ періодъ кампаніи.

Эта армія подъ командой генерала Лечицкаго находилась ко времени перваго германскаго прорыва на лѣвомъ флангѣ юго-западнаго фронта, примыкая къ Румынской границѣ. Начало общаго отступленія застало армію генерала Лечицкаго фронтомъ на югъ на линіи рѣки Прутъ. Въ теченіи лѣта 1915 г. арміи пришлось совершить, въ связи съ отступленіемъ сосѣднихъ армій, грандіозное захожденіе правымъ флангомъ назадъ, такъ что въ результатъ ея фронтъ оказался на рѣкѣ Серетъ, т. е. подъ угломъ въ 90 градусовъ по отношенію къ прежнему направленію фронта. Для штаба 9-ой арміи было совершенно ясно, что всѣ усилія проявляемыя 3, 8, 9, и 11-ой арміями во что бы то ни стало удержать завоеванную Галицію, приведутъ къ громаднымъ потерямъ, но общаго отступленія остановить не смогутъ. Это предвидѣніе и было положено въ основу всей оперативной разработки предстоящихъ дѣйствій арміи. Нужно здѣсь замѣтить, что положеніе 9-ой арміи было несравненно болѣе легкое, нежели положеніе 8 и 3-ей армій. Последнія принуждены были задерживать натискъ главнаго германскаго удара. Передъ 9-ой арміей находился участокъ австро-венгерскаго фронта, второстепеннаго значенія. Вслѣдствіе этого противъ 9-ой арміи не было усиленія непріятельской артиллеріи. Не было тоже подвода большаго числа новыхъ дивизій. Бывшія же раньше на этомъ участкѣ фронта австро-венгерскія войска, изрядно потрепанныя 9-ой арміей въ весеннихъ бояхъ между Днѣстромъ и Прутомъ, держались пассивно. Благодаря этому, создавались спокойные промежутки времени въ 2—3 недѣли, въ теченіе которыхъ мы могли экономить наши снаряды съ тѣмъ, чтобы хотя и скромно, но все-таки „питать“ наши орудія во время боевъ. Я дѣлаю эти оговорки, дабы показать, что въ 9-ой арміи была хотя нѣкоторая „матеріальная“ возможность для успѣшной борьбы. Но все-таки и эта возможность была весьма ограничена, и превосходство въ огневыхъ силахъ было на сторонѣ противника. Такимъ образомъ, передъ 9-ой арміей все-таки стояла задача парализовать это превосходство.

Условія мѣстности, на которой долженъ былъ развиваться отступательный маневръ 9-ой арміи, облегчалъ примѣненіе особой системы дѣйствій. Этими благоприятными условіями являлось то обстоятельство, что районъ предстоящихъ дѣйствій 9-ой арміи пересѣкался рядомъ рѣкъ*). Параллельно рѣкѣ Прутъ и Карпатамъ протекала р. Днѣстръ. Вслѣдствіе этого первый этапъ труднаго маневра 9-й арміи облегчался тѣмъ, что эта армія, организовавъ къ западу отъ Хотина и Новоселиць укрѣпленную позицію, заграждающую промежутокъ между Днѣстромъ и Румынской границей отъ вторженія въ восточномъ направленіи австро-венгровъ, могла отводить большую часть своихъ корпусовъ, дравшихся на р. Прутъ и на Карпатахъ, прямо назадъ за Днѣстръ. Послѣ этого предстояло постепенно заводить правофланговые корпуса правымъ плечомъ назадъ. Но и здѣсь продолженіе отступательнаго маневра облегчалось начерта-

*) См. прил. схему.

ніемъ рѣкъ: всѣ сѣверные притоки Днѣстра — Гнилая Липа, Золотая Липа, Коропецъ, Стрыпа, Сереть текли почти перпендикулярно Днѣстру и были между собой параллельны. Это давало возможность начать перемѣну фронта правофланговой дивизіи, зацѣпившись за рубежъ перваго изъ этихъ притоковъ; затѣмъ, по мѣрѣ отступленія нашей сосѣдней 11-ой арміи, 9-ая армія могла постепенно осаживать свой правый флангъ, пользуясь слѣдующими притоками Днѣстра. По мѣрѣ подобнаго „отворачиванія“ фронта, обороняемый участокъ Днѣстра все сокращался, и число дивизій, становившихся фронтомъ на востокъ, все увеличивалось.

Хотя всѣ эти рѣки, за исключеніемъ рѣки Днѣстра, сами по себѣ не представляли серьезнаго препятствія, но образуемая ими долины создавали благоприятныя условія для организациі перекрестныхъ оборонительныхъ огней. Это сильно облегчало заблаговременную подготовку укрѣпленныхъ позицій, позволяя намъ съ тѣми средствами, которыя имѣлись въ распоряженіи штаба арміи, вести фортификаціонныя работы сразу на нѣсколькихъ рубежахъ. Благодаря этому, мы могли оканчивать къ нужному времени инженерную подготовку района операціи. Последняя же, въ свою очередь, давала возможность примѣнять новые методы обороны. Въ основѣ этихъ методовъ была положена мысль перемѣстить центръ тяжести главнаго сопротивленія арміи съ линіи укрѣпленной позиціи, защищавшей долину рѣки, на 5—6 верстъ назадъ. Обращаю здѣсь вниманіе на слова „главное сопротивленіе арміи“, такъ какъ мы не отказывались отъ упорной обороны самой позиціи. Для этого и предназначались дивизіи первой линіи. Ихъ упорная оборона была необходима дабы не позволить австро-венграмъ завладѣть какимъ-либо участкомъ позиціи небольшими силами. Упорное сопротивленіе перволинейныхъ дивизій было необходимо и для того, чтобы въ достаточной мѣрѣ дезорганизовать тѣ непріятельскія части, которымъ все-таки удастся прорваться и, наконецъ, для того, чтобы возможно болѣе локализовать прорывъ. Тѣ изъ частей нашихъ перволинейныхъ дивизій, которыя продолжали упорно держаться на позиціи, несмотря на то, что сосѣдніе съ ними участки были уже захвачены непріателемъ, создавали намъ возможность армейскаго боя внутри позиціи, въ которомъ и заключался центръ тяжести всей нашей защиты. Продолжающія упорно обороняться на не прорванныхъ участкахъ нашей позиціи части, представляли для арміи какъ бы щитъ, которымъ она сдерживала проникновеніе вглубь нашего расположенія противника сразу же широкомъ фронтомъ. Благодаря этому, для исползованія сдѣланнаго прорыва противникъ долженъ былъ встрѣтить большія трудности. Эти трудности заключались въ томъ, что для дальнѣйшаго развитія своихъ дѣйствій на нашемъ берегу австро-венгры должны были начинать переброску на нашъ берегъ своей артиллеріи. Это требовало извѣстнаго періода времени, а пока ихъ пѣхота, направленная для углубленія прорыва, могла пользоваться поддержкой лишь части своей артиллеріи. Этимъ положеніемъ мы и пользовались, подводя дивизіи, находившіяся въ резервѣ арміи и корпусовъ

съ такимъ расчетомъ, чтобы артиллерія создаваемого нами очага боя внутри позиціи находилась внѣ достиженія непріятельскихъ батарей, стоявшихъ на томъ берегу рѣки. Огневое превосходство переходило при подобныхъ условіяхъ на нашу сторону, и наша пѣхота легко справлялась съ австро-венграми, забирая тысячи плѣнныхъ.

Австро-венгерское командованіе не отдавало себѣ отчета, что воспріятому ими у нѣмцевъ новому методу наступленія имъ былъ противопоставленъ соотвѣтствующій контръ-методъ. На Золотой Липѣ, на Коропцѣ, на Стрѣпѣ и нѣсколько разъ на различныхъ участкахъ Днѣстра повторяется то же самое, и австрійцы каждый разъ терпятъ пораженія.

Итакъ, сама практика заставляла насъ примѣнить систему двухлинейной обороны. Это въ корнѣ противорѣчило основнымъ идеямъ до-военной доктрины, которая все сопротивленіе сосредотачивала на одной линіи. Правда, допускалось примѣненіе, такъ называемыхъ, передовыхъ пунктовъ. Но оборона ихъ велась лишь до развертыванія передъ ними превосходныхъ силъ противника, послѣ чего части, занимавшія передовые пункты, отходили на главную позицію. Система двухлинейной обороны заключалась въ томъ, что первая линія оборонялась совершенно такъ же, какъ ранѣе оборонялась главная позиція, т. е. до конца. Организція сопротивленія на второй линіи являлась дѣломъ высшаго командованія, которое для этого предназначало спеціальныя дивизіи, державшіяся въ корпусныхъ и армейскихъ резервахъ. Перенесеніе центра тяжести армейскаго сопротивленія на вторую линію отражалось, прежде всего, на распредѣленіи силъ для обороны первой линіи и для борьбы внутри позиціи. Для первой задачи назначался лишь необходимый минимумъ силъ. Этотъ минимумъ мы опредѣляли чисто эмпирическимъ путемъ, и въ условіяхъ 1915 г. на фронтъ 9-ой арміи мы растягивали дивизію на позиціи до 14 верстъ. Приходилось выслушивать многочисленныя протесты со стороны командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій, но генераль Лечицкій выдерживалъ характеръ, ибо эта растяжка давала намъ возможность выводить въ резервъ нужное число дивизій. Съ другой стороны мы отлично отдавали себѣ отчетъ, что въ томъ случаѣ, когда противникъ пожелаетъ насъ прорвать и сосредоточить для этого нужныя матеріальныя средства, онъ все равно насъ прорветъ какъ бы густо мы не населили людьми наши траншеи. Состязаться же съ его сосредоточенной для прорыва артиллеріей мы не могли.

Поэтому всѣ усилія и должны были направляться къ тому, чтобы возможно болѣе частей нашей пѣхоты уберечь отъ уничтожающаго дѣйствія непріятельской артиллерійской подготовки. Растяжка дивизій въ этомъ отношеніи была намъ на руку. Большимъ вопросомъ являлась необходимость увеличенія числа пулеметовъ, которые своимъ машиннымъ огнемъ восполнили бы малочисленность стрѣлковъ. Мы приложили всѣ усилія, чтобы привести въ порядокъ захваченные у австро-венгровъ пулеметы; но это было лишь слабое приближеніе къ требованіямъ времени. Нужна была коренная реформа въ организациі пѣхоты, реформа, которая сдѣлала бы пулеметы главнымъ ору-

жіемъ пѣхоты, а ружье — второстепеннымъ. Пока же приходилось примѣняться къ новымъ требованіямъ въ мѣрѣ имѣющихся возможностей.

* * *

Въ кампаніи 1915 года, по сравненію съ 1914 годомъ, роли на французскомъ театрѣ перемѣнились: нѣмцы обороняются, наши союзники стремятся прорвать германскій фронтъ.

Хотя нѣмцы перемѣстили центръ тяжести своихъ дѣйствій на русскій театръ, тѣмъ не менѣе они оставляютъ на своемъ западномъ фронтѣ значительныя силы, обращая особое вниманіе на усиленіе ихъ огневой силы. Поэтому, французамъ приходится рѣшать задачу на производсто прорыва совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ нѣмцамъ на русскомъ театрѣ. Здѣсь различіе въ матеріальныхъ возможностяхъ между противниками было столь велико, что можно уподобить эти дѣйствія въ районахъ главнаго нѣмецкаго удара борьбѣ человѣка, вооруженнаго хорошимъ ружьемъ, съ человѣкомъ, вооруженнымъ дубиной. При такомъ соотношеніи матеріальныхъ средствъ тактика принимаетъ ненормальныя формы, при которыхъ нѣкоторыя изъ матеріальныхъ факторовъ приобрѣтаютъ безусловно рѣшающее значеніе. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда между обѣими сторонами соотношеніе въ матеріальныхъ возможностяхъ хотя бы нѣсколько подравнивается, какъ это имѣло мѣсто на французскомъ театрѣ, начинаютъ вырабатываться тѣ приемы борьбы, которые составляютъ то, что мы называемъ словами „современная тактика“. Въ этомъ отношеніи кампанія 1915 г. на французскомъ театрѣ гораздо поучительнѣе, чѣмъ на русскомъ. Въ ней можно увидѣть первыя попытки прорыва укрѣпленной позиціи въ условіяхъ современной войны (французы), а также приемы противодѣйствія этимъ попыткамъ въ подобныхъ же условіяхъ (нѣмцы).

Активныя дѣйствія французовъ въ кампаніи 1915 г. могутъ быть подраздѣлены по своему стратегическому замыслу на два типа:

1. Атаки, производившіяся съ общей цѣлью сковать германцевъ, дабы стѣснить имъ переброску въ Россію. Эти атаки преслѣдовали по преимуществу мѣстныя тактическія цѣли (исправленіе своего расположенія).

2. Наступательныя операци болѣе широкаго масштаба, задававшіяся цѣлью стратегическаго прорыва германскаго фронта и нанесенія противнику рѣшительнаго пораженія.

Активныя дѣйствія перваго рода (числомъ около 10-ти) имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, зимой и весной; операци второго рода — лѣтомъ и осенью.

Въ основѣ первыхъ были положены указанія французскаго главнокомандующаго отъ 2-го января 1915 года. Эти указанія, хотя и стараются общими фразами замаскировать ошибки первоначальной доктрины, утверждая, что принципы той доктрины остались вѣрными, тѣмъ не менѣе они показываютъ, что фактическое измѣненіе во взглядахъ произошло радикальное.

Указанія отъ 2-го января 1915 г. считаютъ, что характерными особенностями предстоящихъ наступательныхъ дѣйствій являются: во 1) медленный темпъ развитія ихъ и во 2) необходимость примѣненія методовъ, аналогичныхъ методамъ крѣпостной войны. Успѣхъ каждой пѣхотной атаки обуславливается полнотою предшествовавшей артиллерійской подготовки, причемъ пѣхота должна занимать лишь то, что разрушено артиллеріей. Въ виду этого, процессъ пѣхотнаго наступления расчленяется во времени и въ пространствѣ на рядъ послѣдовательныхъ штурмовъ, раздѣленныхъ между собой артиллерійскими подготовками.

Учитывая всю недостаточность въ количествѣ тяжелой артиллеріи и устарѣлость образцовъ*), Инструкція 2-го января полагаетъ возможнымъ произвести расчлененіе пѣхотнаго наступленія такимъ образомъ, чтобы объектомъ каждой отдѣльной атаки являлась-бы ближайшая непріятельская траншея. Такимъ образомъ, глубина каждой изъ атакъ небольшая; атака ограничивается нанесеніемъ пораженія боевой линіи пѣхоты противника. Принимая во вниманіе эту расчлененность наступательныхъ дѣйствій, указанія отъ 2-го января требуютъ особо детальной разработки ихъ плана штабами, руководствуясь мыслью, что методичность дѣйствій должна быть поставлена впереди быстроты ихъ развитія.

Первыя наступательныя попытки французовъ стоили имъ большой крови и привели къ ничтожнымъ результатамъ. Наибольше удачной изъ нихъ является сраженіе у Перть (bataille de Perthes), продолжавшееся съ 15 февраля по 18 марта. Артиллерійская подготовка перваго наступленія велась на фронтѣ 6½ верстъ при помощи сотни тяжелыхъ орудій (около 4 тяжел. батарей на версту фронта). Недостаточность артиллерійской подготовки заставляетъ сократить фронтъ атаки до 3-хъ верстъ. Въ первый-же день атаки французская пѣхота проникаетъ въглубь непріятельскаго расположенія на 2-3 версты. Одинъ авторитетный германскій источникъ утверждаетъ, что съ 16 по 18 февраля нѣмцы находились подъ большой угрозой стратегическаго прорыва. Французы захватили до 2 000 плѣнныхъ, но въ результатѣ образовался „огневой мѣшокъ“, явленіе, ставшее характернымъ слѣдствіемъ недостаточно широкаго и глубокаго прорыва.

Главной причиной французскихъ неудачъ являлось недостаточность артиллерійскихъ средствъ для борьбы съ болѣе современной артиллеріей противника.

Недостаточная дальнобойность чрезвычайно ограничиваетъ глубину артиллерійской подготовки, ограничивая, такимъ образомъ, глубину проникновенія своей пѣхоты; съ другой стороны, она не позволяетъ достигать своимъ огнемъ болѣе дальнобойную непріа-

*) Всего отъ 300 до 400 орудій, значительная часть которыхъ принадлежитъ къ старымъ, нескорострѣльнымъ образцамъ крѣпостной артиллеріи (Vange). Только около сотни орудій болѣе современные, а именно 155 мм. Римальо и нѣсколько 105 мм. дальнобойныхъ пушекъ, появившихся лишь къ концу 1914 года.

тельскую артиллерию. Благодаря этому, значительная часть батарей противника, не угрожаемая ни огнемъ французскихъ батарей, ни атакой французской пѣхоты (ограничивавшейся атакой боевой линіи германской пѣхоты), могли свободно производить сосредоточеніе своего огня противъ мѣстъ проникновенія атакующей пѣхоты, образуя для него огневые мѣшки, въ которыхъ упорствующія въ сохраненіи захваченнаго пространства французскія части несли колоссальныя потери. Медленность огня тяжелой артиллеріи въ связи съ принятыми методами пристрѣлки имѣетъ слѣдствіемъ, что интервалы между атаками различныхъ пѣхотныхъ линій очень большіе. Когда же вопросъ шелъ о перемѣнѣ артиллерійскихъ позицій, промежутки между атаками становились многодневными. Это давало возможность непріятелю съ полной увѣренностью производить сосредоточеніе силъ и средствъ къ угрожаемому участку. Вслѣдствіе этого, результаты атакъ по мѣрѣ продолженія операціи становились все меньшими и меньшими и все дороже оплачиваемыми кровью. Наконецъ, недостатокъ въ количествѣ тяжелой артиллеріи заставлялъ производить атаку на узкомъ фронтѣ, что и приводило, въ случаѣ удачи, лишь къ „мѣшку“, прострѣливаемому съ фланговъ непріятельской артиллеріей.

Среди первыхъ наступательныхъ попытокъ заслуживаетъ вниманія атака англичанъ у „Новой Часовни“ (l'attaque de la Neuve Chapelle) 10 марта 1915 года. Эмпирической умъ англичанъ сразу же замѣтилъ, что первыя линіи пѣхотной атаки имѣютъ стремленіе залегать въ первой-же захваченной траншеѣ изъ опасенія не быть поддержанными сзади слѣдующими резервами. Въмѣстѣ съ этимъ, англійскій Генеральный Штабъ обратилъ вниманіе на необходимость пріятія особыхъ мѣръ для немедленнаго-же очищенія захваченныхъ окоповъ отъ укрывшихся въ нихъ непріятельскихъ группъ, ибо иначе первая линія пѣхотной атаки сама начинаетъ заниматься этимъ и это вноситъ въ атаку полную дезорганизацию. Поэтому англійскому Генеральному Штабу пришла мысль заранее пріинимать въ пѣхотѣ такой боевой порядокъ, который точно отвѣчалъ-бы комбинаціи непріятельскихъ траншей, подлежащихъ захвату. Напримѣръ: на тѣхъ участкахъ, гдѣ непріятельская позиція состояла изъ 3-хъ линій окоповъ, штурмующая пѣхота должна была образовывать три атакующія волны, изъ которыхъ первая сразу-же получала задачу захватить третью (заднюю) непріятельскую траншею; вторая волна, немедленно слѣдуя за первой, должна была очистить и занять вторую траншею, третья, очистить и занять первую. Вслѣдствіе этого передъ атакой пришлось въ своихъ позиціяхъ создавать плацдармъ, состоящій изъ такого-же числа траншей на сближенныхъ дистанціяхъ, въ которыхъ могли размѣститься передъ штурмомъ атакующія волны пѣхоты. Этотъ пріемъ привелъ къ хорошимъ результатамъ и показалъ, что методизмъ въ подготовкѣ заключается не только въ самомъ тщательномъ расчетѣ артиллерійской подготовки, но также и въ самой подробной разработкѣ дѣйствій штурмующей пѣхоты. Такимъ образомъ, планъ атаки сталъ заключать въ себѣ

также и предварительную разработку во всѣхъ деталяхъ вопроса о спеціальному для каждаго даннаго случая боевого порядка.

Впечатлѣнія, вынесенныя изъ зимнихъ и весеннихъ операций, побуждаютъ Французское Высшее Командованіе выпустить 16 апрѣля 1916 года новую инструкцію. Опытъ этихъ операций опредѣленно показывалъ, что при достаточной артиллерійской подготовкѣ наступающему всегда удавалось проникнуть въ первую траншею обороняющагося. Подъ впечатлѣніемъ этого показанія опыта въ штабѣ Жоффра оживаетъ вѣра въ силу пѣхотной атаки. Общая стратегическая обстановка, создававшаяся къ этому времени, содѣйствовала этой перемѣнѣ взглядовъ. Становилось совершенно яснымъ, что германцы ведутъ главныя операціи въ Россіи съ цѣлью вывести ее изъ строя. Малыми наступательными операціями французы не могли помочь Россіи, которая послѣ усилій, сдѣланныхъ въ 1914 году, оказывалась въ критическомъ положеніи. Долгъ элементарной чести требовалъ хотя бы частично отплатить русской арміи за все, что она сдѣлала въ 1914 году для того, чтобы спасти свою союзницу Францію. Поэтому желаніе французскаго главнокомандованія скорѣе перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ вполне естественно.

Инструкція 16 апрѣля 1915 года указываетъ на то, что задачей новыхъ операций явится не занятіе того или другого участка неприятельской укрѣпленной позиціи, но прорывъ стратегическаго значенія съ цѣлью навесенія вслѣдъ за тѣмъ рѣшительнаго пораженія пѣмцамъ въ чистомъ полѣ.

Вслѣдствіе этого, оставаясь въ идеяхъ инструкціи 2-го января о необходимости расчлененія наступательной операціи на рядъ послѣдовательныхъ атакъ, имѣющихъ каждая свою артиллерійскую подготовку, новая инструкція настаиваетъ на большей рѣшительности и быстротѣ дѣйствій.

Это, прежде всего, отражается на требованіяхъ, предъявленныхъ пѣхотѣ.

Предыдущая инструкція, исходя изъ идеи, что пѣхота занимаетъ лишь то, что разрушила артиллерія, берегла первую, требуя постановки ей цѣлей въ видѣ захвата ближайшихъ неприятельскихъ траншей. Инструкція 16 апрѣля требуетъ болѣе широкой постановки пѣхотныхъ задачъ, намѣчая цѣлями атакъ рубежи мѣстности въ тылу укрѣпленной позиціи противника.

Для того, чтобы увеличить глубину пѣхотной атаки, инструкція 16-го апрѣля требуетъ отъ пѣхоты увеличенія глубины боевыхъ порядковъ, для чего фронтъ атаки пѣхотной дивизіи сокращается до 1—1,5 версты. Пѣхотный боевой порядокъ долженъ заключаться изъ ряда послѣдовательныхъ волнъ, причемъ первая изъ нихъ должна доводиться до густоты одного человѣка на 1 метръ. Это возвращеніе къ старымъ уставнымъ нормамъ можетъ быть объяснено причинами психологическаго характера. Послѣ потерь, понесенныхъ въ 1914 г., пѣхота стала недоувѣрять своимъ силамъ. Въ противоположность кампаніи 1914 года, когда она болѣе, чѣмъ пренебрегала помощью своей артиллеріи, стремясь захватить непри-

тельскія позиціи съ налета однѣми своими силами, въ 1915 г. она начинаетъ предъавлять артиллеріи излишнія и часто непосильныя требованія. Артиллерія еще слаба, и кризисъ въ снабженіи снарядами не изжитъ. А, между тѣмъ, пѣхота требуетъ отъ артиллеріи барражъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда малыя неприятельскія попытки могутъ быть отбиты пѣхотными-же огневыми средствами. Можно предположить, что французское главнокомандованіе въ инструкціи 16 апрѣля реагировало на эту „робость“ пѣхоты, думая бороться съ этимъ при посредствѣ стараго метода массированія бойцовъ. Но такой способъ рѣшенія въ современныхъ огневыхъ условіяхъ боя, конечно, является устарѣлымъ; жизнь требовало иного разрѣшенія „кризиса“ пѣхоты, а именно восполненія разрѣженности боевой линіи пѣхоты машиннымъ огнемъ пулеметовъ. Но для того, чтобы пробиться въ жизнь, эта новая идея потребовала еще большаго боевого опыта. Сила старыхъ предрасудковъ нигдѣ такъ не сильна, какъ въ области военнаго искусства.

Увеличенія быстроты наступленія инструкція 16 апрѣля предполагаетъ достигнуть:

а) ускореніемъ артиллерійской подготовки посредствомъ использования наблюденія съ воздушныхъ шаровъ и новаго подарка техники — авіаціи;

б) увеличеніемъ глубины раіона артиллерійской подготовки посредствомъ сближенія батарей съ исходными позиціями пѣхоты.

Въ инструкціи 16 апрѣля мы впервые встрѣчаемъ указанія на необходимость заставить во что бы то ни стало замолчать неприятельскія батареи. Но выполнять эту задачу предполагается въ теченіе самой пѣхотной атаки. Здѣсь чувствуется, что французскій Генеральный Штабъ все еще не можетъ отрѣшиться отъ своего предубѣжденія противъ „артиллерійской дуэли“, господствовавшего до войны. Ограничивая, такимъ образомъ, работу артиллеріи, инструкція 16 апрѣля въ то-же время продолжаетъ предъавлять ей непосильныя по тому времени требованія. Это выражается, прежде всего, въ томъ, что отъ артиллерійской подготовки требуется вездѣ „разрушеніе“. Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, что подобное требованіе не въ состояніи выполнить даже артиллерія 1918 г., и что въ этомъ отношеніи жизнь заставила вполнѣдствіи внести цѣлую градацію требованій, начиная отъ фактическаго уничтоженія и кончая временнаго парализованія (нейтрализаціи).

Идеи инструкціи 16 апрѣля нашли свое приложеніе въ двухъ большихъ наступательныхъ операціяхъ: 1) у Артуа (9 мая — 18 іюня) и 2) осеннее сраженіе въ Шампаньи и Артуа.

Въ сраженіи у Артуа избранный для атаки фронтъ достигалъ 16½ версты. Ударъ наносился 5-ю корпусами (15 пѣх. дивизій), усиленныхъ 340 тяжелыми орудіями. Пристрѣлка батарей и артиллерійская подготовка, несмотря на мѣры, принятія для ускоренія (воздушное наблюденіе), растянулись на 6-ть дней. Въ день штурма между 6 и 10 часами утра артиллерійская подготовка была доведена до крайней интенсивности. Пѣхота центральныхъ корпусовъ, передъ

фронтомъ которыхъ артиллерійская подготовка оказалась наиболее полной, безъ большихъ потерь въ теченіе перваго же часа атаки передовыми своими частями проникаетъ на 4 версты вглубь непріятельскаго расположенія, захвативъ 7.500 плѣнныхъ и 24 орудія. Дальнѣйшее продвиженіе вглубь остановилось, такъ какъ два правофланговые корпуса смогли овладѣть только первой линіей окоповъ противника. На ихъ фронтѣ артиллерійская подготовка не была доведена до той же полноты, какъ передъ центральными корпусами. Брешь, продѣланная послѣдними, оказалась всего шириною въ 6 версты, и въ слѣдующіе же дни затянулась германскими дивизіями резерва. вмѣстѣ съ этимъ противникъ, предупрежденный о мѣстѣ атаки длительностью артиллерійской пристрѣлки и подготовки, успѣлъ сосредоточить къ мѣсту прорыва сильную тяжелую артиллерию. Всѣ дальнѣйшія попытки французовъ продолжать наступленіе приводятъ къ ничтожнымъ результатамъ (наступленіе 18 іюня) и стоятъ большой крови. Германская артиллерія оказываетъ слишкомъ сильной. Такимъ образомъ, операція у Артуа кончилась для французовъ стратегической неудачей: намѣченная цѣль достигнута не была, прорывъ превратился, какъ и раньше, въ мѣшокъ.

Тѣмъ не менѣе, французскій Генеральный Штабъ дѣлаетъ изъ опыта этого наступленія оптимистическіе выводы. Въ замѣткѣ отъ 8-го іюня 1915 года онъ по-прежнему утверждаетъ, что прорывъ нѣмецкаго фронта является дѣломъ обезпеченнымъ при условіи сосредоточенія достаточнаго числа орудій. Необходимо лишь болѣе широкій фронтъ атаки; ширина же этого фронта опредѣляется количествомъ артиллеріи. вмѣстѣ съ этимъ французское главное командованіе даетъ рядъ тактическихъ указаній, служащихъ исправленіями инструкціи 16-го апрѣля (указанія отъ 26-го мая, отъ 18-го іюня, отъ 10-го іюля, отъ 25-го іюля). Въ нихъ указывается, что тактической успѣхъ въ современномъ бою можетъ быть достигнутъ только въ томъ случаѣ, если непріятельская артиллерія захвачена, или, по крайней мѣрѣ, сдвинута. „Фронтъ атаки долженъ съ перваго же порыва достигнуть непріятельскихъ батарей, такъ какъ артиллерія представляетъ собою главное препятствіе для пѣхотной атаки послѣ того, какъ она прошла первую линію непріятельскихъ траншей“ (указанія отъ 10-го іюля). Подобнымъ методомъ французы совершенно правильно предполагаютъ дезорганизовать заблаговременно организованную противникомъ систему оборонительнаго огня и затруднить ему осуществленіе „огневого мѣшка“. Вышеприведенныя слова имѣютъ и болѣе глубокое значеніе. Въ нихъ впервые формулируется одна изъ основныхъ идей современной тактики, заключающейся въ томъ, что всякій изъ современныхъ боевъ можетъ считаться выиграннымъ только въ томъ случаѣ, если непріятельская артиллерія, по крайней мѣрѣ, сдвинута.

Эта идея только еще болѣе подчеркиваетъ необходимость борьбы съ непріятельской артиллеріей посредствомъ своей артилле-

рив. „Противодѣйствіе противника нашимъ атакамъ преимущественно зиждется на огнѣ батарей; необходимо поэтому ихъ потушить.“ (указанія отъ 25 іюля).

Французское главное командованіе обращаетъ теперь вниманіе войскъ на необходимость артиллерійской борьбы не только во время самой атаки, но и въ періодъ подготовки. Это, по сравненію съ инструкціей 16-го апрѣля, большой шагъ впередъ. Развитіе авіаціи и широкое примѣненіе воздушныхъ шаровъ облегчаетъ исполненіе требованій.

Относительно пѣхоты опытъ боевъ у Артуа показалъ, что передовыя части французской пѣхоты, не поддержанныя во время слѣдующими эшелонами, уничтожались или попадали въ плѣнь. Инструкція отъ 16 апрѣля предвидѣла необходимость сжиманія дивизіи къ головѣ. Но она считала, что для перваго дня боя достаточно 1-ой (головной) бригады. Поэтому 2-ая бригада дивизіи оставалась на мѣстахъ ночлеговъ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія. Указанія 26-го мая измѣняютъ это положеніе, подчеркивая, что часть успѣха быстротеченъ, и если резервы не подводятся немедленно и не вводятся въ дѣло, успѣхъ упускается. Это замѣчаніе характерно тѣмъ, что констатируетъ исключительное значеніе пѣхоты для эксплуатаціи успѣха. Боювая практика ярко показала, что взглядъ на пѣхоту, какъ на прикрытіе артиллеріи, глубоко ошибоченъ. Но указанія 26-го мая и 10-го іюля не ищутъ разрѣшенія проблемъ, передъ которыми, начиная съ 1914 года, оказалась пѣхота, проблемъ радикальной ея реорганизаціи. Они ограничиваются предписаніями второстепеннаго значенія, а именно: чтобы вторыя бригады атакующихъ дивизій были сближены съ головными бригадами настолько, чтобы немедленно поддержать ихъ атаку.

Чѣмъ ближе къ фронту боя, тѣмъ непосредственнѣе заставляетъ боевой опытъ чувствовать, что безъ пѣхотной атаки даже могущественная артиллерія не въ состояніи дать окончательной побѣды. Главнокомандующій группой армій центра въ своихъ указаніяхъ отъ 29-го августа обращаетъ вниманіе на то, что успѣхъ достигается только въ томъ случаѣ, если выбранный участокъ непріятельской позиціи штурмуется пѣхотой на всемъ фронтѣ. Онъ указываетъ, что здѣсь не можетъ быть интерваловъ, въ которыхъ пѣхота только демонстрируетъ. Фронтъ штурма долженъ быть непрерывнымъ; варьируетъ лишь сила пѣхотныхъ частей, направляемыхъ на штурмъ различныхъ участковъ позиціи. Онъ указываетъ, что успѣхъ наступленія 9-го мая во многомъ обязанъ непрерывности фронта атакъ.

Опытъ боевъ у Артуа, отчетливо подчеркнувшей необходимость эксплуатаціи тѣхъ пораженій, которыя наноситъ современная артиллерія, заставилъ французсовъ вспомнить и про кавалерію. Въ приложеніи къ указаніямъ отъ 18-го іюня говорится, что для того, чтобы конница могла возможно скорѣе принять участіе въ эксплуатаціи успѣха, она должна отказаться отъ ожиданій удобныхъ моментовъ для дѣйствія крупными массами (дивизіями). „Тотъ, кто собирается ожидать бреши въ 30 километровъ по фронту, отыгрывается сло-

вами и не собирается дѣйствовать“. Для возможности принять немедленное участіе въ первые же стадіи прорыва, указывается на необходимость расчлененія конницы на малыя единицы (полки, эскадроны), которыя придаются пѣхотнымъ частямъ боевой линіи.

Говоря иными словами, французское главнокомандованіе проводить здѣсь новую идею о необходимости для конницы въ начальныя стадіи прорыва пройти малыя частями черезъ руки пѣхотныхъ начальниковъ.

Наконецъ, въ указаніяхъ отъ 10 іюля можно увидѣть, что французскій Генеральный Штабъ чувствуетъ, что методы, преподаанные инструкціей 16 апрѣля, совершенно не позволяютъ примѣненію принципа внезапности. Но онъ пока безсиленъ найти практическій выходъ изъ создавшагося положенія вещей. Поэтому онъ ограничивается лишь общимъ указаніемъ, чтобы „атаки укрѣпленныхъ позицій носили бы характеръ рѣшительный и быстрый“.

Осеннее наступленіе нашихъ союзниковъ построено было на одновременной атакѣ на двухъ участкахъ: одна въ Шампань (2-ая и 4-ая французскія арміи), другая у Артуа (10-я французская и одна британская арміи). Превосходство въ числѣ пѣхотныхъ дивизій на французскомъ театрѣ къ этому времени было на сторонѣ союзниковъ. Къ 1-му сентября оно исчисляется въ 30 пѣхотныхъ дивизій.

Фронтъ для атаки въ Шампань былъ доведенъ до 33 верствъ. Въ наступленіи участвовало 35 пѣхотныхъ дивизій при 1.100 легкихъ пушкахъ и при 872 тяжелыхъ орудіяхъ, что давало на 1 версту атакующаго фронта: 1 пѣхотную дивизию, 9 батарей легкой артиллеріи, 6 — 7 батарей тяжелой артиллеріи.

Фронтъ атаки у Артуа достигалъ 8 $\frac{1}{2}$ верствъ. Въ наступленіи участвовало 18 французскихъ дивизій и 13 британскихъ пѣхотныхъ дивизій при 500 легкихъ пушкахъ и 400 тяжелыхъ орудіяхъ, что давало на 1 версту атакующаго фронта: 3 $\frac{1}{2}$ пѣхотныя дивизіи, 14 батарей легкой артиллеріи, 11 батарей тяжелой артиллеріи.

Передъ началомъ наступленія были произведены заблаговременныя обширныя фортификаціонныя работы: вырыты плацдармы траншей для размѣщенія передъ самой атакой штурмующихъ волнъ, а также вырыты многочисленныя ходы сообщенія въ глубь на 5 километровъ, дабы обезпечить отъ непріятельскаго артиллерійскаго барража подходъ резервовъ. Всѣ артиллерійскія позиціи выдвинуты впередъ, особенно для дальнобойныхъ батарей, дабы имѣть возможность взять подъ свой огонь непріятельскія батареи. Авіаціонныя средства доведены въ одной Шампань до 200 аппаратовъ противъ 60 непріятельскихъ, что обезпечивало для французовъ господство въ воздухѣ.

Вопросы, связанныя съ артиллерійской подготовкой были разработаны до мельчайшихъ подробностей. Эта разработка представляла собою цѣлый планъ „артиллерійской операціи“, который предусматривалъ рѣшеніе задачъ, возложенныхъ инструкціями на артиллерию: разрушеніе проволочныхъ загражденій и фланкирующихъ

сооруженій, уничтоженіе непріятельскихъ батарей, огневое сопровожденіе фронта пѣхотной атаки и заградительный огонь, обезпечивающій ея фланги.

Интересно здѣсь отмѣтить, что опытъ предыдущихъ попытокъ показалъ, что, несмотря на все могущество артиллерійскаго огня противъ небольшихъ по площади опорныхъ пунктовъ (вродѣ прежнихъ сомкнутыхъ укрѣпленій), разрушительность этого огня оказывалась недостаточной для дѣйствія противъ крупныхъ селеній. Поэтому фронтъ атаки былъ избранъ такъ, что не заключалъ въ своей полосѣ ни одного селенія.

Несмотря на всѣ мѣры принятыя для ускоренія артиллерійской подготовки, въ виду того, что новые скорострѣльные образцы тяжелой артиллеріи все еще не поступили въ большомъ числѣ на вооруженіе французской арміи, эта подготовка затянулась такъ-же, какъ и весной, на нѣсколько дней. Въ Шампань она заняла 6 дней (изъ нихъ 3 на пристрѣлку). Въ Артуа она заняла 5 дней. Настроеніе французской пѣхоты было повышенное, но, какъ замѣчаетъ одинъ авторитетный французскій писатель, къ этому времени пѣхота извѣрилась указаніямъ высшихъ штабовъ, въ которыхъ сообщалось о томъ, что Германія напрягаетъ свои послѣднія силы, что со стороны французскихъ войскъ нуженъ только порывъ впередъ, и тогда, какъ заколдованное, сразу падетъ германское сопротивленіе и т. п. Этому крайне наивному методу „повышенія духа“ атакующихъ войскъ, кстати сказать, бывшему также въ большой модѣ у насъ, французская пѣхота даже дала особое названіе: „bouggade de crane“ (набиваніе головъ). Здравый смыслъ людей, видящихъ воочію все происходящее, отказывался вѣрить примитивному представленію о немъ, людей, стоящихъ вдали и не видящихъ всей сложности реальныхъ условій современнаго боя.

25 сентября послѣ нѣсколькихъ часовъ особо интенсивнаго артиллерійскаго огня, причемъ у французовъ впервые нашли примѣненіе снаряды съ удушливыми газами и дымовые, пѣхота пошла на штурмъ.

Въ Шампань, несмотря на не благоприятную погоду, она быстро продвигается впередъ, не неся большихъ потерь. Сразу-же пробита брешь шириною въ 20 верстъ, забираются многочисленные плѣнные и орудія*). Но, продвинувшись въ глубину на 34 версты, французская пѣхота неожиданно натывается на вторую укрѣпленную позицію противника, занятую подведенными со всѣхъ сторонъ резервами. Всѣ усилія французской пѣхоты сломить съ налета это сопротивленіе тщетны и вызываютъ большія потери. Не многимъ удачнѣе попытки французскаго командованія организовать новую атаку при поддержкѣ передвинутой впередъ артиллеріи. Наступленіе 6-го октября привело лишь къ занятію первыхъ непріятельскихъ траншей, и стоитъ французской пѣхотѣ большой крови.

*) За всю операцію въ Шампань французами взято 25.000 плѣнныхъ и 150 орд.

Въ Артуа французская пѣхота продвигается при атакѣ 25 сентября съ трудомъ и скоро останавливается. Британская пѣхота, удачно использовавшая выпущенную газовую волну, прорываетъ нѣмецкую позицію на фронтѣ 6-ть верстъ и проникаетъ вглубь на 3 версты. Но здѣсь всѣ ея усилія разбиваются о вторую непрятельскую укрѣпленную позицію.

Такимъ образомъ, осеннее наступленіе нашихъ союзниковъ оказалось стратегически столь-же неудачнымъ, какъ и весеннее. Методы осенняго наступленія, какъ мы уже знаемъ, были измѣнены на основаніи весенняго опыта и казалось, что результаты могли быть иными. Но веденіе войны есть двусторонняя игра. На всякій маневръ имѣется въ отвѣтъ соответствующій контръ-маневръ, такъ-же, какъ на всякій методъ имѣется свой контръ-методъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Нѣмцы примѣнили противъ своихъ противниковъ новые методы обороны, выработанные ими на основаніи того-же весенняго опыта на французскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

* * *

Какъ мы упоминали уже въ прошлой главѣ, кампанія 1914 г. показала несостоятельность той теоріи прерывчатой обороны, съ которой выступили войска на войну. Родилась непрерывная первая траншея съ проволочными загражденіями впереди. Но это первое эмпирически найденное рѣшеніе очень скоро оказалось слишкомъ примитивнымъ, и въ кампаніи 1915 г. у нѣмцевъ въ тылу за первой траншеей начали наростать параллельныя ей другія.

Первая траншея, которая, по продолжающему еще царствовать принципу, густо населялась стрѣлками, вынуждена была строиться достаточно широкой. Между тѣмъ, защита отъ артиллерійскаго огня требовала узкаго и глубокаго окопа. Поэтому явилась мысль дублировать первую траншею другой, находящейся въ непосредственной отъ нея близости для того, чтобы сообщеніе вдоль линіи стрѣлковаго огня направлялось бы по этой второй параллельной траншеѣ. Само собой разумѣется, что обѣ траншеи связывались между собой многочисленными ходами сообщенія. Благодаря этому методу постройки, получалась возможность съюзить почти вдвое первую траншею. Но и этого удвоенія линіи окоповъ оказалось недостаточно. Нѣмцы скоро замѣтили, что при подобномъ устройствѣ укрѣпленная позиція очень неустойчива. Въ самомъ дѣлѣ, при условіи сосредоточенія превосходнаго артиллерійскаго огня, а это для наступающаго, въ распоряженіи котораго находится инициатива выбора участка атаки, всегда возможно, обѣ указанныя выше траншеи легко захватываются штурмующей пѣхотой. Въ этомъ случаѣ всѣ сосѣдніе съ мѣстомъ прорыва участки находятся въ критическомъ положеніи и прорывъ грозитъ быстро разростись.

Для упроченія положенія возможны были 3 способа, которые, по мѣрѣ накопленія опыта, и примѣняли нѣмцы, создавъ, такимъ об-

разомъ, тотъ типъ укрѣпленной позиціи, который продержался до конца войны, и остался современнымъ и въ настоящее время.

Первый методъ — это устройство въ тылу стрѣлковой траншеи и сопровождающей ее траншеи сообщенія еще третьей, въ которой должны помѣщаться пѣхотныя поддержки въ устраиваемыхъ для этого укрытіяхъ (лисыя норы и т. п.). Удаленіе этой траншеи отъ линіи огня не должно быть большимъ, дабы пѣхота, съ одной стороны, могла въ ней укрыться во время артиллерійской подготовки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла бы подкрѣпить боевую линію въ критическій моментъ; съ другой стороны, удаленіе ея должно быть достаточнымъ, чтобы обезпечить ее отъ пораженія группы выстрѣловъ, направленныхъ противъ первой; это приводитъ къ дистанціи 75—100 сажень.

Эта траншея „пѣхотныхъ поддержекъ“ являлась хорошимъ средствомъ, чтобы не допустить распространенія прорыва въ глубину расположенія. Поэтому она также приспособлялась къ огню и прикрывалась проволочными загражденіями. Въ томъ случаѣ, когда эта траншея могла быть устроена на противосклонѣ, положеніе обороняющагося упрочивалось.

Съ первыхъ же боевъ за укрѣпленныя позиціи въ 1915 г. обнаружилось, что обороняющійся въ современныхъ условіяхъ боя имѣетъ возможность обратить совершившійся прорывъ въ „огневой мѣшокъ“. Устройство позиціи изъ стрѣлковой траншеи и траншеи поддержекъ, соединенныхъ между собою ходами сообщенія, представило чрезвычайно выгодное положеніе для устройства подобныхъ „огневыхъ ружейныхъ и пулеметныхъ мѣшковъ“. Для этого требовалось только, чтобы нѣкоторыя изъ поперечныхъ позицій ходовъ сообщенія были бы тоже приспособлены къ огню и оплетены проволокой. Благодаря этому, создавался на позиціи рядъ отсѣковъ, въ которыхъ прорвавшійся оказывался запутаннымъ, какъ въ паутинѣ.

Это рѣшеніе можно уподобить тому методу, который примененъ въ современномъ кораблестроеніи: дабы охранить броненосецъ отъ потопленія при минной пробойнѣ, внутренность его подраздѣляется броневыми переборками, которыя позволяютъ совершенно изолировать часть корабля, получившую пробойну. Это и являлось вторымъ методомъ.

Наконецъ, тотъ же опытъ 1915 г. показалъ, что хотя предыдущія кампаніи и выяснили несостоятельность прежней системы прерывчатой обороны съ небольшими опорными пунктами, но причиной этой несостоятельности является не принципъ неравномѣрности обороны, а то, что создаваемые опорные пункты слишкомъ легко уничтожались артиллеріей.

Принципъ неравномѣрности обороны начинаетъ находить свое приложеніе въ другихъ формахъ, а именно: внутри самой позиціи вырастаютъ въ болѣе важныхъ по тактическому значенію мѣстахъ сложные лабиринты окоповъ. Идея прежнихъ опорныхъ пунктовъ осуществляется въ видѣ узловъ сопротивленія, расплзшихся по

земль и вросшихъ въ нее, что требовало даже отъ современной артиллеріи гораздо большихъ усилій. Это представляло собою третій методъ упроченія обороны.

Всѣ перечисленныя выше мѣры приводили къ большому возрастанію усилій, требуемыхъ отъ артиллеріи атакующаго. Теперь уже требовалось не только разрушеніе одной первой траншеи и лежащихъ передъ ней проволочныхъ загражденій, но и разрушеніе цѣлой укрѣпленной полосы, представляющей собой сложный переплетъ траншей и проволоки.

Процессъ возрастанія необходимыхъ для атаки артиллерійскихъ средствъ, благодаря совершенствованію нѣмцами своихъ методовъ обороны, обгоняетъ процессъ нарастанія артиллерійскихъ средствъ у нашихъ союзниковъ.

Штабъ Жоффра не учитывалъ этого въ 1915 году. И, да проститъ мнѣ читатель нѣсколько игривое сравненіе, но военно-научную работу этого штаба можно уподобить тѣмъ мушкетерамъ, которые согласно одной старинной пѣсенкѣ „*par un malheureux hasard, ils arrivaient toujours trop tard*“.

Осенью 1915 года германскій Генеральный Штабъ подготовилъ французскому еще новый сюрпризъ.

Это было еще большее углубленіе обороны, въ видѣ созданія второй позиціи. Эта вторая укрѣпленная полоса была расположена въ такомъ разстояніи отъ первой, чтобы франко-британскія арміи не могли бы поражать ее, не перемѣнивъ позицій своей артиллеріи.

Вотъ выдѣрка изъ рапорта командующаго второй французской арміей генерала Петена:

„Вторая германская позиція находилась въ 5—6 километрахъ позади первой на сѣверномъ скатѣ высотъ Дормуазъ (Шампань), находясь, такимъ образомъ, внѣ досягаемости нашей полевой артиллеріи. Она была едва только начата въ концѣ іюля. Но какъ только мы приступили къ нашимъ подготовительнымъ фортификаціоннымъ работамъ (*travaux d'approches*), непріятель повелъ свои работы съ лихорадочной поспѣшностью. Наши тяжелыя орудія пытались ему мѣшать; но, къ сожалѣнію, число ихъ было недостаточно, такъ же какъ и запасъ снарядовъ, и серьезные результаты не могли быть достигнуты. Несмотря на это, ко дню атаки окопы (второй германской позиціи Н. Г.) не были вполне окончены, но зато всѣ фланкирующія сооруженія такъ же какъ и проволочныя загражденія, которыя имѣли небывалое еще развитіе, были въ полной готовности. Расположеніе этой укрѣпленной позиціи на противосклонахъ дѣлало ее совершенно невидимой для нашихъ земныхъ наблюденій“.

Приведенныя выше строки изъ рапорта генерала Петена позволяютъ намъ заключить, что примѣненіе нѣмцами новыхъ методовъ обороны сильно облегчается общимъ слабымъ мѣстомъ системы атаки, выработанной штабомъ Жоффра. Какъ мы знаемъ, эта система фактически игнорировала принципъ внезапности. Длительныя подготовительныя работы на избранномъ французами для наступленія участкѣ фронта позволяютъ нѣмцамъ приступить къ созданію

второй укрѣпленной полосы за этимъ участкомъ фронта и даже начать заблаговременное сосредоточеніе силъ. Ко дню атаки, т. е. къ 25 сентября, они успѣваютъ подвести къ угрожаемому въ Шампаньи участку гвардію и X корпусъ, взятые съ русскаго фронта.

Мало этого, уже 24 сентября, т. е. наканунѣ штурма, нѣмецкое командованіе отодвигаетъ большую часть армейской и корпусной артиллеріи за вторую укрѣпленную позицію. Такимъ образомъ, идея двухлинейной обороны находитъ со стороны нѣмцевъ въ осеннемъ сраженіи въ Шампаньи отчетливое примѣненіе. Эта идея проводится германскимъ Генеральнымъ Штабомъ въ указаніяхъ, данныхъ въ іюнѣ 1915 года подъ заглавіемъ: „Выводы изъ опыта войны, касающіеся полевой фортификаціи“. Въ этихъ указаніяхъ говорится, что въ томъ случаѣ, когда требуется устойчивая оборона, необходимо располагать по крайней мѣрѣ двумя укрѣпленными позиціями. Дистанція между этими позиціями должна быть такова, чтобы атакующій вынуждался для атаки второй позиціи перемѣщать свою артиллерію. Эта дистанція „опредѣляется условіями мѣстности“, говорится въ разсматриваемыхъ нами нѣмецкихъ указаніяхъ: „она должна быть не меньше, чѣмъ 1—2 версты и даже больше, въ зависимости отъ условій обстановки“.

Въ инструкціи, данной штабомъ XI баварскаго корпуса отъ 7-го іюня 1915 года, мы читаемъ:

„Намѣреніе непріятеля совершенно ясно (французская инструкція отъ 16 апрѣля): бросить свою пѣхоту для безостановочнаго штурма нашихъ позицій. Это должно насъ убѣдить въ необходимости усилить оборону нашей первой линіи средствами пѣхоты, артиллеріи и фортификаціи настолько, чтобы даже въ самомъ неблагоприятномъ случаѣ — захвата непріятелемъ первой линіи — привести его къ изнеможенію. Серія другихъ позицій поможетъ дальнѣйшему сопротивленію, принуждая противника начинать передъ каждой изъ нихъ новую подготовку методической атаки“.

Сравнивая только что изложенное съ началомъ этой главы, въ которомъ мы разсматривали дѣйствіе на русскомъ театрѣ, мы видимъ, что несмотря на большое различіе условій, все-таки обнаруживаются однородныя явленія: оборона стремится изъ однолинейной стать многолинейной или, вѣрнѣе сказать, глубокой.

Причина этому явленію лежитъ въ томъ, что артиллерійскій огонь сталъ господствующимъ факторомъ на поляхъ сраженій, вслѣдствіе чего районъ рѣшительной борьбы раздвинулся на дистанцію орудіянаго выстрѣла. Раньше, когда центръ тяжести борьбы заключался въ ружейномъ боѣ, этотъ районъ простирался на дистанцію дѣйствительнаго ружейнаго огня. Основной проблемой пѣхоты въ новыхъ условіяхъ боя стало сближеніе на рѣшительную ружейную дистанцію, избѣгая уничтоженія въ полось, доступной одному артиллерійскому огню. Эта проблема и явилась основной изъ всѣхъ, которую силились

разрѣшить воюющія стороны въ 1915 году. При оборонѣ рѣшеніе этой проблемы, въ общемъ, сводилось къ тому, чтобы, упорно обороняясь дивизіями первой линіи, задерживать продвиженіе впередъ артиллеріи атакующаго и принимать бой съ прорвавшимися частями противника дивизіями второй линіи внутри позиціи, въ досягаемости главной массы артиллеріи атакующаго.

Н. ГОЛОВИНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).